
ЮРИЙ ДУЛЕСОВ
КРИМИНАЛЬНЫЙ СБОРНИК
С ЭЛЕМЕНТАМИ ОПЕРСКОГО ФОЛЬКЛОРА
ХРОНИКИ
57-ГО

Юрий Дулесов
Хроники 57-го

https://litres.ru/74860184
SelfPub; 2026

Аннотация

Петербург. Конец девяностых. Время, о котором теперь снимают сериалы. А тогда в нём просто жили и работали. С приключениями, которых никто не заказывал.

Автор книги Юрий Дулесов сам служил опером уголовного розыска 57-го отдела милиции Питера. Поэтому «Хроники пятьдесят седьмого» — истории изнутри, а не чужие пересказы.

Засады, погони, опасные задержания и преступления, в которые трудно поверить. Здесь трагедии соседствуют с невероятными курьёзами, а бывалые опера порой не знают, смеяться или хвататься за голову.

Это Петербург без открыток: дворы, парадные, ларьки, старые УАЗики, бандиты и странные граждане. И люди, ежедневно сталкивавшиеся с чужой бедой и преступной изобретательностью.

В основе повестей — реальные события 1996–1999 годов. Имена и детали изменены, но атмосфера и характеры настоящие.

Без героического глянца. С крепкой оперской дружбой, здоровым цинизмом и юмором, который помогал держаться.

Не истории о милиции. Истории изнутри. Рассказанные одним из своих.

Юрий Дулесов
Хроники 57-го

ХРОНИКИ

ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМОГО

Юрий Дулесов

Памяти наших товарищей Юры Полянского, Лёши Голубева, Саши Беркунова посвящается.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В конце девяностых у пятьдесят седьмого отдела милиции Выборгского района Петербурга не было ни литературного кружка, ни отдела по связям с общественностью. Были уголовный розыск, дежурная часть, два этажа казённых кабинетов, вечно звонящие телефоны и население, которое исправно обеспечивало милицию работой.

Были и люди, которым приходилось всё это разгребать. Опера пятьдесят седьмого. Не киношные герои с заранее написанными победными репликами, а вполне земные мужики — со своими характерами, привычками, семьями, неприятностями и начальством. Последнее, кстати, в отличие от преступников, в розыске не нуждалось: находило подчинённых самостоятельно.

Эта книга появилась не из милицейских сводок. Её истории вспоминали, уточняли и рассказывали те, кто служил в

пятьдесят седьмом в 1996–1999 годах. Иногда спорили о подробностях. Иногда о том, кто первый догадался. Впрочем, вопрос авторства особенно удачных оперативных идей и тогда решался не всегда единогласно.

Собрал эти рассказы в одну книгу автор — тоже бывший опер того самого отдела, участник той жизни. Позже это время назовут «лихими девяностыми». Мы тогда об этом не задумывались. Просто ходили на работу, ловили преступников, получали разносы от начальства и иногда даже успевали поспать. Для нас это были обычные будни. В основе каждой повести — события, происходившие в действительности. Но перед читателем не протоколы, не уголовные дела и не документальная реконструкция по минутам. Это художественная проза. Где-то изменены имена и отдельные обстоятельства, где-то несколько разговоров соединены в один, а то, что в жизни растягивалось на недели, на страницах иногда занимает несколько абзацев. Неизменным мы старались оставить главное: людей, атмосферу, обстоятельства и саму правду оперативной работы.

Здесь будут тяжёлые дела, нелепые происшествия, неприятные решения и смех — часто совершенно неуместный с точки зрения человека, который никогда не служил в розыске. Смеялись не потому, что чужая беда казалась пустяком. Просто иной раз это был единственный способ не дать работе окончательно поселиться у тебя дома.

Поэтому начнём с истории сравнительно безобидной. С

человека, который пришёл в милицию после собственных похорон. Он, по крайней мере, мог лично рассказать, что с ним произошло.

Остальным в этой книге повезёт по-разному.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ

О покойнике, который пришёл в милицию и доставил живым немало хлопот

ГЛАВА ПЕРВАЯ. НЕСВОЕВРЕМЕННОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

Петербург всегда умел производить впечатление. Дворцы, мосты, гранитные набережные, белые ночи — город располагал таким количеством достопримечательностей, что туристам обычно не хватало времени посмотреть даже половину.

Впрочем, у самих петербуржцев имелись другие заботы.

Особенно у тех, кто жил за Светлановской площадью, среди привычных девятиэтажек, гаражей, магазинов и дворов, где все друг друга знали, но при необходимости дружно утверждали обратное.

Именно здесь, на проспекте Культуры, 12, корпус 3, находился 57-й отдел милиции Выборгского района Петербурга.

В конце девяностых милиция переживала те же трудности, что и вся страна. Денег не хватало, техника старела, преступность развивалась значительно быстрее материально-технической базы, а начальство продолжало требовать

улучшения показателей.

Особенно раскрываемости.

Причём желательно без дополнительных расходов.

На первом этаже отдела располагалась дежурная часть. На втором — руководство, уголовный розыск и два кабинета следователей, территориально прикомандированных к 57-му.

В правом крыле располагался кабинет начальника отдела. Опера занимали несколько кабинетов в левом крыле. Сразу от лестницы находился кабинет Сергея Ярового, заместителя начальника отдела по уголовному розыску. Поэтому мимо Ярика, как называли Сергея опера, пройти незамеченным удавалось редко. Яровой был человеком спокойным, опытным и предпочитал конкретные поручения продолжительным воспитательным мероприятиям.

Дальше располагались остальные оперские кабинеты, а в конце коридора — девятнадцатый, самый просторный и потому особенно любимый сотрудниками.

Сюда заходили обсудить оперативную информацию, выпить чаю, поделиться новостями или просто посидеть среди своих. Иногда здесь даже работали. Хотя последнее чаще происходило за пределами отдела.

Утро, о котором пойдёт речь, началось вполне обычно.

До тех пор, пока в дежурную часть не вошёл покойник.

Капитан милиции Саша Колыванов, дежурный по отделу, заканчивал разговор с гражданином, который требовал при-

влечь к уголовной ответственности собственную супругу.

Причина заключалась в пятистах рублях, взятых женой из его кошелька.

— А деньги куда пошли? — поинтересовался Колыванов.

— На продукты!

— Продукты домой принесла?

— Конечно!

— Вы ели?

— Ел. А какое это имеет значение?

— Самое прямое. Вы предлагаете нам возбудить уголовное дело по факту приобретения колбасы?

Посетитель задумался.

Потом сообщил, что сначала ещё раз поговорит с женой, но в случае повторения преступных действий обязательно обратится.

— Обращайтесь, — разрешил капитан. — Только колбасу к тому времени не съедайте. Вдруг вещественным доказательством станет.

Гражданин ушёл недовольный.

Колыванов взялся за журнал происшествий, но закончить запись не успел.

Перед стойкой появился невысокий мужчина лет пятидесяти в старом коричневом пальто.

— Здравствуйте. Я Кузнецов Николай Иванович. Умер три дня назад.

Колыванов поднял глаза.

— Соболезную. Чем помочь?

— Вы издеваетесь?!

— Пока нет. Объясните, что случилось.

Посетитель положил перед ним паспорт и объявление, размноженное на ксероксе.

Из объявления следовало, что жилец одного из домов на проспекте Художников Николай Иванович Кузнецов скоропостижно скончался, а соседи собирают деньги на его похороны.

— Это про меня! — объяснил Кузнецов. — Я вчера из Пскова вернулся, а у меня на двери венок висит!

— С лентами?

— С лентами! «Помним. Скорбим».

— Хорошо хоть помнят.

Кузнецов тяжело вздохнул и сообщил, что за время его отсутствия из квартиры исчезли телевизор, видеомагнитофон, ковёр и три тысячи долларов.

— А кто похороны организовал? — спросил Колыванов.

— Соседка, Антонина Павловна. Я ей ключи оставлял, цветы поливать. Ещё и деньги с соседей на похороны собрала.

— И что она говорит?

— Плачет. Сначала меня увидела — чуть в обморок не упала. Потом говорит, что какой-то Сергей приходил, племянником моим назвался. Сказал, будто я в Пскове умер.

— А племянник такой имеется?

— Да нет у меня никакого племянника Сергея! Я ей и сказал. Так она ещё сильнее заплакала.

— А ключи?

— Ему отдала. Говорит, он, как родственник, похороны организует.

— А имущество?

— Вынесли.

— А деньги на похороны?

— Тоже на следующий день Сергею отдала! Семь тысяч двести рублей собрала!

Колыванов некоторое время смотрел на заявителя.

— Значит, вас похоронили, квартиру обокрали и ещё деньги на этом заработали?

— Вот именно!

Капитан снял трубку внутреннего телефона.

— Юр, спустись. Тут квартирная кража. И похороны сорвались.

Юра Дудочкин был опером опытным, общительным и на язык довольно острым. Мог разговорить свидетеля, поставить на место зарвавшегося уголовника и испортить настроение начальству одним невинным вопросом. Работать любил, хотя тщательно это скрывал. Особенно от руководства, которое при малейших признаках трудового энтузиазма немедленно поручало что-нибудь ещё.

Дудочкин спустился в дежурную часть, выслушал Кузнецова и повёл его наверх, в девятнадцатый кабинет.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

В девятнадцатом кабинете Крикунов рассказывал о вчерашнем грабеже. Не о похищенной барсетке — барсетка в рассказе занимала скромное место, — а о собственном преследовании преступника. За десять минут дистанция увеличилась с трёх дворов до пяти, а прыжок через ограду стал почти олимпийским.

— Игорь, я ему ору: «Стой, милиция!», а он ещё быстрее!

— Видимо, не хотел мешать тебе устанавливать рекорд, — заметил Сорокин.

Вову называли Криком. И не только за фамилию. Он не столько разговаривал, сколько сообщал всему этажу результаты своей мыслительной деятельности. Игорь Сорокин, или Доктор, напротив, говорил спокойно. Медицинского образования у него не было, но после беседы с ним некоторые задержанные вдруг начинали выздоравливать от потери памяти.

Денис Меньшов по прозвищу Малыш — с ударением на первом слоге — слушал и улыбался. Он легко сходился с людьми и умел разговорить даже тех, кто приходил с твёрдым намерением ничего не рассказывать. Правда, порой Денис и сам оказывался в таких историях, из которых его приходилось вытаскивать всем отделом. У окна сидел Лёха Тимофеев — Тихий. Свои мысли он предпочитал держать при себе до тех пор, пока в них не появлялся практический смысл.

Дудочкин вошёл с Кузнецовым и положил на стол объявление.

— Мужики, знакомьтесь. Николай Иванович. Умер три дня назад, а вчера самовольно вернулся. Пока отсутствовал, квартиру обнесли, соседи похороны оплатили.

Кузнецов насупился. Доктор прочитал объявление, расспросил про ключи и неизвестного племянника Сергея, а услышав о трёх тысячах долларов в коробке из-под обуви за сервизом, покачал головой.

— Николай Иванович, коробка в серванте — это не тайник. Это подсказка для вора.

Дудочкин, как дежурный опер, распределил работу: Тимофеев — квартира и соседи, Малыш — Антонина Павловна, Крик — имущество и возможный транспорт. Доктор взялся за перекупщиков. Кузнецову велели ничего не трогать до осмотра и отпустили домой.

— А хоронить меня больше не будут? — спросил он в дверях.

— С нашей стороны такой необходимости нет, — заверил Юра.

О таком происшествии следовало доложить начальнику. В конце концов, лучше получить нагоняй за чужую глупость лично, чем узнать о нём от районного начальства.

У подполковника Юрия Николаевича Лозового имелась привычка ходить по кабинету, когда разговор становился неприятным. За это его прозвали Топтуном. При районной

раскрываемости физическая подготовка начальника оставалась отменной. Подчинённых он гонял основательно, но чужим в обиду не давал: начальственное недовольство считал личной привилегией.

— Пойду шефу доложу, — сказал Дудочкин Доктору. — А то ещё Неволин раньше узнает, что у нас покойники заявления пишут.

Полковник Неволин недавно приехал из Мурманска и возглавил Выборгское РУВД Питера. Северной выдержки у него хватало, но району ещё предстояло проверить её на прочность. Особенную любовь новый начальник питал к докладам о раскрываемости. Опера подозревали, что хорошие новости его не слишком интересуют: там и без него всё хорошо.

У Лозового сидел Сергей Яровой.

Лозовой выслушал Дудочкина, прошёлся от окна к двери и остановился.

— Человека похоронили, квартиру обокрали, деньги собрали. А сам покойник в Пскове гостил.

— Именно. Соседка говорит, будто приходил племянник Сергей, сообщил о смерти и получил ключи. Кузнецов племянника не признаёт.

— Хорошо устроились. Скоро квартиры по доверенности от покойников продавать начнут.

— Могли соседку обмануть, — заметил Яровой. — А могла и сама чего-то не договорить. Проверим.

— Проверьте, — сказал Топтун. — И быстро. Неволин сегодня уже звонил по разбоям. Не хочу ещё объяснять, почему у нас население хоронят без согласования с населением.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. РОДСТВЕННЫЕ ЧУВСТВА

Антонина Павловна встретила Малыша со слезами и претензиями. Она двадцать лет знала Кузнецова, любила его как соседа и теперь не понимала, за что ей приходится разговаривать с уголовным розыском. Денис предложил чаю не наливать и перейти к делу.

— Пришёл молодой человек, назвался Сергеем, племянником Коли. Сказал, что Николай Иванович умер в Пскове, а ему поручили забрать вещи и похоронами заняться. Я ведь не могла подумать, что такое выдумывают!

— А почему решили, что он родственник?

— Он и Псков знал, и что Коля один живёт. Даже про ключи спросил. Откуда чужому человеку всё это известно?

— Хороший вопрос, — согласился Денис. — Я за ним, собственно, и пришёл.

На следующий день, когда подъезд уже собрал деньги, Сергей явился снова. Забрал семь тысяч двести рублей, поблагодарил всех за участие и пообещал сообщить, когда будут похороны. После этого исчез вместе с деньгами и запасными ключами.

— Номер телефона оставил?

— Оставил. Только там всё время говорят, что такого нет.

— А выглядит как?

— Не очень высокий. Тёмные волосы, на щеке родинка. Вежливый такой. Всё «Антонина Павловна» да «спасибо вам».

— Вежливость — дело хорошее, — сказал Малыш. — Особенно когда собираешь с людей деньги.

Денис попросил ещё раз повторить приметы и заметил на комоде фотографию хозяйки с рыжеватым молодым мужчиной.

— Сын?

— Олег. Живёт отдельно. Он мне давно говорит, что нельзя всем верить. Вот ведь прав оказался.

— Об отъезде Кузнецова знал?

— Конечно. Я ему рассказывала, что цветы поливать буду. А что?

— Ничего. Узнаём, кто мог знать.

Антонина Павловна смотрела на фотографию, потом на Малыша.

— Вы ведь не думаете, что Олежка? Да Коля его с рождения знает! Он у него на глазах вырос!

— Я ещё ни о ком не думаю, — ответил Денис. — Пока только слушаю.

Старушка проводила его до двери. Было видно, что разговор дался ей тяжело. Малыш не увидел причин считать её лгуньей. Она добросовестно рассказала про человека, который обвёл её вокруг пальца, и теперь мучилась главным вопросом: как объяснить соседям, куда делись похоронные

деньги.

Во дворе Денис закурил и записал имя сына на полях блокнота. Сам по себе Олег ничего не значил. Но кто-то ведь рассказал Сергею про Псков, отъезд и ключи.

Тихий тем временем обошёл подъезд Кузнецова. Кто выносил вещи, никто не видел. В рабочий день лестницы пустовали, дверь открывали ключом. Зато один жилец вспомнил белую «Газель» с надписью «Ритуальные услуги».

— Номер?

— Нет. Большую надпись видел, а номер не смотрел.

— Когда стояла?

Мужчина назвал время. Тихий записал. Свидетель видел немного, зато не пытался выдумать остальное. Для уголовного розыска это уже было достоинством.

К поискам подключились остальные. Витя Жутенко — Жуть — и Витя Шкуро пошли по скупщикам; Жуть обладал таким спокойствием и таким сухим юмором, что посторонние не всегда понимали, когда следует смеяться. Яша Фадеев и Дима Смагин проверяли точки сбыта. Саня Беркунов, Беркут, взялся за транспорт: он предпочитал проехать десять адресов, а не полдня обсуждать, какие из них стоит проверять. Саня Старук по прозвищу Старый поднял знакомых перевозчиков. Его хорошо знали на районе. Некоторые местные уголовники здоровались с ним первыми, даже если не совершали ничего нового. На всякий случай.

«Газель» Старый нашёл очень скоро. Её владелец возил

мебель, а похоронную надпись сохранил от прежней работы машины: перекрашивать было дорого, да и клиенты не жаловались.

— Универсальная техника, — заметил Жуть. — И покойника отвезёт, и наследство за ним.

Водитель вспомнил заказ с Художников. Машину наняли по телефону. У подъезда ждал парень с тёмными волосами и родинкой на щеке. Показал, что грузить, помог вынести телевизор, видеомагнитофон и ковёр, а водитель отвёз всё в гараж у проспекта Просвещения.

— Сергей назывался? — уточнил Старый.

— Не помню. Я имена пассажиров не коллекционирую. Заказал какой-то Олег, а встречал этот. Деньги за рейс дал наличными.

— Номер заказчика остался?

— В книжке. Я заказы записываю. Не все же родственники покойников потом рассчитываются.

Номер вывел на Олега Шемякина. Сына Антонины Павловны.

— Вот и семейное положение проясняется, — сказал Жуть. — Мама хоронит соседа, сын обеспечивает транспорт. Семейный подряд, только мать не в курсе.

— Не торопись, — остановил его Старый. — Заказ машины ещё не приговор. А вот гараж посмотрим.

Водитель указал гараж. Через владельца установили, что помещение снимает Шемякин. Проверили, кто туда приез-

жал, и в установленном порядке осмотрели помещение. Нашли ковёр Кузнецова, коробки с его вещами и пустое место, где недавно стояла техника. Телевизор с видеомагнитофоном уже ушли скупщику.

Жуть со Шкуро быстро нашли покупателя. Тот сообщил, что товар принёс не Олег, а невысокий темноволосый парень с родинкой. Представился Сергеем. Часть денег получил сразу, за остальными собирался зайти вечером. Телефон, правда, оставил чужой.

— Какой предусмотрительный, — заметил Доктор. — Сам к квартире даже не подходил. Приятель покойника хоронил, имущество выносил, а Олег всем руководил на расстоянии. Прямо директор похоронного агентства.

Яровой выслушал доклад. Дело было рядовое: квартирная кража, два предприимчивых приятеля, доверчивая соседка.

— Значит, один представляется племянником, другой заказывает машину и организовывает гараж. У дома Олег не светился, — подвёл итог Ярик. — Берём того, кто к скупщику придёт. Второго найдём по адресу. Он установлен. И матери пока ничего не говорите. Она и так похороны пережила, ещё сына раньше времени хоронить начнёт.

— Шеф, — спросил Крик, — а если Сергей не придёт?

— Тогда, Вова, начнём с другого конца.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ПЛЕМЯННИК

Сергей появился к вечеру. У скупщика задержался ненадолго, вышел, сунул деньги в карман и направился к оста-

новке.

Дудочкин шагнул навстречу.

— Сергей, родня Кузнецова беспокоит. По поводу похорон.

— Вы кто?

— Люди, которым теперь придётся объяснять, почему покойный живой, а его телевизор у другого хозяина.

Юра показал удостоверение. Сергей резко развернулся и бросился во двор. Пробежать успел метров двадцать, после чего Тихий прижал его к стене и надел наручники.

Подошёл Малыш.

— Лёха, всё нормально?

— Вполне. Племянник вот с родственниками встречаться не хочет.

— Ничего, — заметил Денис. — Сейчас устроим семейное воссоединение.

В отделе Сергей сперва уверял, что его попросили помочь с переездом. Кто попросил — не помнил, где познакомился — забыл, зачем представился племянником покойного — объяснить затруднялся.

— Сергей, давай без сказок. Кузнецов тебя знать не знает. Ключи ты получил, вещи вывез, деньги на похороны забрал. Теперь рассказывай, кто всё придумал.

— Я ничего не придумывал. Мне сказали, я сделал.

— Вот с этого и надо было начинать. А то всё племянник да племянник. У тебя дядя воскрес, а ты всё врёшь.

Когда Сергей узнал, что найден гараж и установлен заказчик машины, память стала возвращаться. Организовал всё Олег Шемякин. Сам он к дому не подходил: весь двор знал его с детства. Поэтому к Антонине Павловне отправил Сергея, которого она прежде не видела.

Олег рассказал приятелю об отъезде соседа и запасных ключах, оставленных у его матери. Сергей сыграл родственника, получил ключи, вывез вещи и забрал собранные жильцами деньги. Три тысячи долларов он случайно обнаружил уже в квартире, в коробке из-под обуви за сервизом. Олег заказал «Газель», снял гараж и договорился о продаже техники.

— А с покойником зачем спектакль? — спросил Дудочкин.

— Так проще было ключи получить. Сказали бы, что переезд, она бы Коле позвонила.

— А смерть проверять не стала, — заметил Малыш. — Сочувствовать у нас пока легче, чем перезванивать.

Шемякина взяли в тот же вечер. Он у себя дома смотрел телевизор, который приобрёл совсем недавно. Правда, этот телевизор к делу отношения не имел, о чём Олег заявил прежде, чем его успели спросить.

— Сразу видно честного человека, — сказал Доктор. — Мы ещё в прихожую не вошли, а у него уже алиби на всю бытовую технику.

Олег сперва попробовал свалить всё на Сергея. Потом

узнал, что приятель уже рассказал, кто заказывал машину, платил за гараж и договаривался со скупщиком. На этом разногласия между сообщниками приобрели сугубо финансовый характер: каждый считал, что другой взял больше.

Антонина Павловна узнала правду от милиции. Она не знала о замысле сына, не видела вывоза вещей и искренне считала Сергея племянником соседа. Услышав, что Олег всё организовал, сначала не поверила. Потом расплакалась.

— Он же сам мне говорил, никому верить нельзя…

— В этом он, Антонина Павловна, не ошибся, — ответил Малыш.

Следователь Надя Василевская прочла объяснения и села за печатную машинку.

— Значит, один придумал похоронить соседа и обчистить квартиру, второй изобразил племянника, а старушка ещё и деньги на похороны собрала? — уточнила Надя.

— Именно, — подтвердил Дудочкин. — Причём все при деле, кроме самого Кузнецова. Его решили не беспокоить.

— А зачем? Он же покойник, — заметила следователь.

— Вот и я говорю. Зачем человека по пустякам тревожить?

— А три тысячи долларов из серванта куда делись? — спросила Надя.

— Поделили по-братски, — ответил Дудочкин. — Сергей получил тысячу, Олег забрал две. У Сергея при задержании нашли восемьсот долларов при себе, остальные двести

он уже успел прогулять.

— А у Олега?

— Полторы тысячи дома нашли, за шкафом. Пятьсот тоже потратил.

— Значит, две тысячи триста вернули?

— Да. Остальные семьсот пока на совести мнимых наследников.

Надя отложила материалы.

— Юра, я иногда думаю, что уголовный розыск специально отбирает мне дела по принципу наибольшего идиотизма.

— Надя, мы не отбираем. Нам население приносит.

Когда Кузнецов увидел задержанного Олега, долго смотрел на него, не веря глазам.

— Олежка?! Я же тебя с детства знаю!

— Здравствуйте, дядя Коля.

— Какой я тебе дядя?! Ты хоть понимаешь, что ты натворил?

— Я всё верну.

— Меня похоронили, вещи украли, деньги собрали! А ты всё вернёшь! Венок кто покупал?

— Сергей, — тихо ответил Олег.

— На мои деньги?!

— На собранные.

Кузнецов некоторое время переваривал эту разницу.

— Хорошо хоть гроб не заказали.

— Заказали, — признался Олег. — Сергей предоплату

оставил. Антонина Павловна всё спрашивала, когда похороны. Пришлось для убедительности квитанцию показать.

Крик, стоявший в дверях, не выдержал:

— А размер-то хоть угадали?

— Вова, выйди, — сказал Дудочкин.

— Я просто спросил.

— Вот и спроси в коридоре.

ГЛАВА ПЯТАЯ. СЛУЖБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Материалы передали следователю. Телевизор и видеомагнитофон нашли у скупщика, ковёр — в гараже. Из трёх тысяч долларов удалось изъять две тысячи триста, остальные семьсот приятели успели потратить. С семью тысячами двумястами рублями вышло хуже: часть Сергей потратил на венок и предоплату за гроб, оставшиеся деньги прогулял.

Антонина Павловна, пережившая за несколько дней смерть соседа, его воскресение и задержание собственного сына, пришла к Кузнецову с пирожками и извинениями. Он простил. Двадцать лет соседями были. Но запасные ключи забрал. Цветы решил поливать самостоятельно.

Неволин выслушал доклад Лозового и поинтересовался, что с потерпевшим.

— Живой, товарищ полковник.

— Юрий Николаевич, это я уже понял. Как себя чувствует?

— Нормально.

— Ну и славно. Передай операм, что сработали хорошо.

И посмотри там, чтобы у тебя больше живых людей не хоронили.

Топтун пообещал принять меры. Какие именно меры можно принять против преждевременных похорон, полковник не уточнил.

В девятнадцатом спорили, что погубило приятелей — жадность или глупость. Доктор считал, что жадность, Малыш возражал: для жадности нужен хотя бы расчёт, а здесь имелось только желание забрать чужое. Крик предложил считать оба обстоятельства отягчающими.

— Лёх, а ты что думаешь? — спросил Денис.

Тихий отложил ориентировку.

— Думаю, Сергею не повезло.

— Почему?

— Олег его в родственники записал. Только наследство решили получить, не дожидаясь смерти хозяина.

В дверях появился Яровой.

— Мужики, хватит покойника вспоминать. Кто у нас сегодня дежурит?

— Я, — отозвался Малыш.

— Тогда к Колыванову. Заявитель ждёт. Квартирная кража.

— Потерпевший хоть живой?

— Ден, не начинай.

Внизу перед стойкой дежурной части стоял пожилой мужчина. У него родной сын вынес из квартиры телевизор, день-

ги и магнитофон.

— Как зовут сына? — спросил Малыш.

— Олег. Но вы не подумайте, хороший парень. Просто с работой не ладится.

Колыванов и Меньшов переглянулись. Капитан лишь развёл руками.

— Саша, — сказал Денис, — принимай заявление. И предупреди родственников: похороны пока не назначать.

Вот, собственно, и вся история.

Для уголовного розыска — обычная квартирная кража с необычным способом её совершения. Для Кузнецова — повод больше никому не оставлять ключи. Для Антонины Павловны — семейная неприятность, закончившаяся знакомством сына со следователем.

А для нас — возможность представить людей, которым посвящены следующие истории.

Не спешите делать выводы. Пока вы видели пятьдесят седьмой в довольно приличных обстоятельствах.

А дальше будут истории, после которых даже бывалые опера разводили руками:

— Мужики, такого ещё не было!

И каждый раз жизнь доказывала, что они рано удивлялись.

КОНЕЦ

КОЛЯСОЧНЫЙ ТРЭШ

О колясках, засаде и задержании с неожиданными

осложнениями

Солнце над Петербургом в то лето стояло такое, будто само себя забыло в городе и теперь отчаянно пыталось напомнить о себе, плавя асфальт на проспекте Культуры до состояния липкого киселя. В 57-м отделе милиции, где единственным кондиционером служил форточный сквозняк, пахло потом, махоркой и отчаянием. Подполковник Лозовой уже неделю просыпался с мыслью, что коляски — это новый мировой заговор. Ну не может же нормальный человек, уважающий себя петербургский жулик, тащить исключительно детские транспортные средства! Это вам не кража века, не «Мона Лиза» из Лувра, а сплошной конфуз.

Оперативники сидели на утренней сходке, косясь на пузатый чайник, который, казалось, закипал медленнее, чем совсем не вялотекущий процесс воспитания. Лозового накануне вызывали в РУВД. А потом ещё и в главк. Вернулся он злой, как сотня чертей, и сейчас с утра устроил оперативникам разнос. Топтун наматывал круги по кабинету, и с каждым витком голос его становился всё тяжелее. Три коляски за неделю, ни одной зацепки, а в главке уже интересовались, не пора ли сменить руководство 57-го отдела на более расторопное. Напоследок Лозовой дал доброе такое напутствие, что если серия продолжится, они все будут искать коляски уже с гражданских должностей. Оперативники сидели, глядя в пол, и старательно делали вид, что запоминают каждое слово. Действительно, серия перешла в стадию резонанса. Уже

«Вечерка» намекнула на «банду колясочников», а одно толстое ведомственное издание и вовсе сравнило пропавшие коляски с ушедшими в никуда надеждами на лучшее будущее. Надежды, кстати, в отделе тоже таяли, как утренний туман над Невой.

В девятнадцатом кабинете сидел дежурный опер Дудочкин. Не совсем молодой, со щетиной, которая намекала на глубокую философскую небритость, и с глазами, которые видели всё, но хотели забыть половину. В свои тридцать он уже знал, что самый опасный зверь в Питере — это не бандит с обрезом, а мамаша, у которой пропала коляска «Буба-Маруся» последней модели, купленная на деньги, отложенные на шубу.

Дудочкин смотрел на стол и чувствовал, как солнце нагло ползёт по стене, медленно, но верно приближаясь к папке с надписью «ОПД №237», где было ровным счётом ноль зацепок.

И тут, как гром среди ясного неба, которое, впрочем, в Питере редко бывает ясным, в кабинете появилась она. Очередная жертва. Прямо с улицы, в цветастом платье, с растрепанной, но гордой прической, и с младенцем на руках, который, кстати, не плакал, а с любопытством разглядывал лицо Дудочкина. Мамочка была молода, красива и гневна, как сама Фемида, по ошибке зашедшая в отдел милиции.

Войдя, она положила перед опером заявление, где всё было изложено кратко, чётко и с математическим отчаянием:

«Коляску унесло в неизвестном направлении. Сразу после приема у педиатра в детской поликлинике на Кустодиева. Модель — «Зорька-3»».

— Понимаете, — сказала она, глядя на Дудочкина как на последнюю надежду и одновременно как на последнего дурака, — эта была уже третья по счету. Сегодня я планирую покупать новую. Будет досадно, если и ее украдут…

И тут в голове Дудочкина, в той её части, что отвечала за рискованные авантюры, созрел план. Он откашлялся и доверительно подался вперед:

— Давайте сделаем так. Вы покупаете коляску. Самую лучшую. За свой счет, естественно. А завтра к 10 утра ставите её у поликлиники, как ни в чем не бывало…

Мамочка подозрительно прищурилась. Младенец засмеялся, решив, что это игра.

— А если и ее украдут, вы мне будете возмещать? — спросила она с этаким вызовом. — Может, вы в кустах сидеть будете, как Штирлиц?

— Обижаете, — Дудочкин картинно поправил кобуру. — Насчет кустов вы угадали. Но я буду не Штирлиц. Я буду местный флорист, изучающий редкие виды лопухов, растущих у входа в поликлинику на Кустодиева. Но главное, если меня заметите — не смотрите в мою сторону. Смотрите на коляску, на которую у вас ушла половина зарплаты мужа.

На том и порешили.

Утром следующего дня Питер встретил Дудочкина лип-

ким июльским зноем. Он засел в кустах сирени у детской поликлиники на Кустодиева, от которых исходил такой аромат, что бедный опер то и дело чихал в ладонь, рискуя выдать себя с потрохами. Место было выбрано на удивление удачно — с прямой видимостью входа, как на ладони. Солнце жарило по затылку, мухи жужжали военные марши, а в кармане куртки лежал помятый «Беломор», который курить было нельзя, но очень хотелось.

Ровно в 10.00 она появилась. Как по нотам. Мамочка шла вдоль тротуара, благоухая духами и решимостью, и катила перед собой шикарную, свеженькую, пахнущую пластиком и новой жизнью коляску. Она эффектно поставила это чудо инженерной мысли у входа, взяла на руки ребенка, который уже возмущенно дрыгал ножками, и, бросив последний многозначительный взгляд в сторону кустов (Дудочкин в этот момент чуть не поперхнулся и стал похож на куст, пораженный фитофторой), скрылась в дверях поликлиники.

В городе было тихо. Только где-то вдалеке оркестр играл что-то бодрое, а дворник лениво водил метлой по асфальту, абсолютно не подозревая, что он сейчас — свидетель, а может быть, и соучастник грядущего фарса. Дудочкин застыл. Пот катился по лицу. Время тянулось медленнее, чем хотелось бы. И он ждал. А что ещё оставалось…

Сидя в засаде, он чувствовал себя не Штирлицем, и даже не местным флористом, а каким-то забытым богом и начальством садовым пугалом. Солнце припекало так, что пла-

вились даже мысли, а в голове, вместо оперативных соображений, крутилась только одна мелодия из старого фильма про разведчиков. Он уже начал подозревать, что преступник — это какая-нибудь особо хитрая чайка, которая научилась катать коляски клювом, как вдруг его профессиональный взгляд, закалённый годами наблюдения за подозрительными личностями у ларьков, зацепился за нечто странное.

Метрах в десяти, в таких же зарослях сирени, стояла девушка. Приятной наружности, как пишут в протоколах, когда надо подсластить пилюлю. Светлая кофта, джинсы, длинные волосы, взгляд — внимательный, цепкий, устремлённый именно на вход в поликлинику. Дудочкин подумал: "Ну, ждёт кого-то. Может, любовника-кардиолога. Времена такие — романтика в очереди к терапевту". Но нутро опера, то самое пресловутое чутьё, которое частенько заменяло ему логику, зашевелилось. Слишком уж пристально она смотрела. Не как женщина, ждущая мужчину, а как биржевой маклер за курсом доллара.

И когда мамочка, наша подсадная утка, лихо поставила коляску у входа, взяла на руки своё сокровище и испарилась за дверями поликлиники, девушка сорвалась с места. Не пошла, не поплыла, а именно рванула, как спринтер на Олимпийских играх, которым, судя по грации, она вполне могла бы быть. Она подхватила коляску, даже не запыхавшись, и покатила её в сторону Поэтического бульвара. Бульвар, надо сказать, место возвышенное, там даже скамейки у подъездов

с цитатами из Блока, и воровать коляски под сенью поэзии — это был уже не криминал, а какой-то постмодернистский перформанс.

Дудочкин опешил. Челюсть его отвисла, и муха, сидевшая на носу, приняла это за приглашение к обеду. Он вылетел из кустов, обдирая лицо о ветки, и, хромая на старте, погнался. Сердце колотилось где-то в горле, а в голове пульсировала одна мысль: "Единственная улика, дорогущая новая коляска, и какая-то нимфа из кустов её уводит в мир грёз!"

Он нагнал её почти у самой дороги. Схватил за локоть, вытащил удостоверение и, пытаясь отдышаться, выдавил:

— Стоять! Милиция! Куда это вы направляетесь и чья, позвольте спросить, коляска?

Девушка обернулась. Глаза — огромные, испуганные, как у лани, которой только что предложили стать главным блюдом на ужине у волков. Она затараторила. Бойко, сбивчиво, с явным петербургским акцентом, который отличает коренную жительницу от приезжей:

— Да это сестра моя! Понимаете, она.. она попросила отвезти коляску домой! Мы договаривались! Она сказала, что задержится, а мне надо.. ну, в общем, я просто исполняю просьбу!

Дудочкин, будучи человеком скептическим, особенно по утрам, когда не выпил ещё чаю, таким рассказам не верил. Он вежливо, но настойчиво предложил вернуться к поликлинике и подождать хозяйку. Уж он-то знал, чем обычно за-

канчиваются "просьбы сестёр" в его практике. Девушка вроде бы кивнула, посмотрела ему в глаза с такой мольбой, что Дудочкин на секунду даже поверил в её невиновность.

И тут, как гром среди ясного неба, случилось неожиданное. Она рванула. Не в сторону поликлиники, а прямо через дорогу, туда, где за забором виднелись разноцветные горки и качели. Детский сад. "Солнышко" — гласила вывеска, хотя солнца в тот момент было уже через край. Дудочкин, не сговариваясь с мышцами, рванул за ней и в тот же миг ощутил, как что-то острое, раскалённое и мерзкое пронзает его заднюю поверхность бедра. Боль была такой, что он чуть не заорал матом на весь Поэтический бульвар. Растяжение! Как не вовремя… На кону ведь вверенное имущество и карьера!

Он, хромая и проклиная весь спорт в целом, а особенно бег с препятствиями, выхватил ПМ. Мысль мелькнула: "Стрельнуть в воздух!". Но в тот же миг он увидел, куда она бежит. Девушка, лёгкая на ногу, влетела на территорию садика, где воспитательницы в белых халатах выгуливали стайку малышей. Детишки, как цыплята, копошились в песочницах.

Дудочкин потом много раз, лежа по ночам на своей кровати, вспоминал эту картину, и она казалась ему забавной. Но только потом. А в тот момент ему было не до смеха. Он, хромой опер с пистолетом в руке, и бегущая от него девушка. Воспитательницы среагировали моментально. Это была профессиональная реакция, выработанная годами работы. Они,

как квочки, расставили руки и бросились накрывать собой детишек. Со стороны это выглядело как танец маленьких лебедей в исполнении уставших женщин, которые вдруг решили спасать мир от вооружённого маньяка. Дудочкин попытался крикнуть: "Милиция!", но голос сорвался на петушиный фальцет, и все, включая детей, испуганно замерли.

Каким-то чудом — не иначе как ангел-хранитель пьяных оперов вмешался — Дудочкин, превозмогая адскую боль, пробежал садик насквозь, и выскочил опять на Поэтический бульвар. Там он, собрав остатки сил, настиг беглянку. Она бегала по кругу, видимо, пытаясь запутать следы, но математика подвела её. Дудочкин сделал подсечку, и они оба рухнули в придорожную траву, перемешанную с лепестками сирени. Девушка извивалась, как уж на сковородке, пытаясь царапаться и брыкаться. Дудочкин, не церемонясь, для убедительности, приложил её пистолетом по голове. Не сильно, так, с достоинством. Чтобы знала, что с ментами шутки плохи. Он уже доставал наручники, пытаясь скрутить эти брыкающиеся конечности, как вдруг из ниоткуда появилась девятка. Серая, потрёпанная, но с характером.

Дверь открылась, и оттуда вышел парень. Молодой, подтянутый, с хищным прищуром, от которого у Дудочкина моментально испортилось настроение.

— Эй, мужик! — крикнул парень, направляясь к ним. — Что происходит?

Девушка, услышав спасительный голос, закричала так,

что, наверное, Александр Блок от ужаса перевернулся в гробу:

— Помогите! Убивают! Человек с пистолетом!

Парень, не раздумывая, решительно направился к ним. Дудочкин потом, анализируя этот момент, искренне удивлялся. Парень ведь видел пистолет! Настоящий, боевой, ПМ, а не детскую игрушку. Но в глазах этого парня была такая отвага, замешанная на идиотском рыцарстве, что он шагнул вперёд, готовый грудью защитить незнакомую девицу.

Дудочкин, всей спиной чувствуя приближающуюся угрозу в лице этого рыцаря без страха и упрёка, ловко, одной правой — левая всё ещё сжимала локоть извивающейся фурии — засунул ПМ обратно в плечевую кобуру. Жест был отработан до автоматизма, хоть и смазался из-за адской боли в бедре. Он выхватил из внутреннего кармана своё замусоленное, потёртое на сгибах удостоверение и, словно крест перед вампиром, выставил его перед носом подбегающего парня.

— Стоять! — рявкнул Дудочкин, и в голосе его, несмотря на одышку, прозвучали стальные нотки, которые, казалось, были утеряны где-то между поликлиникой и детским садиком. — Милиция. Не мешать задержанию.

Парень затормозил так резко, что кеды его издали жалобный скрип. Глаза его, секунду назад пылавшие праведным гневом, удивлённо расширились, разглядывая потёртую красную корочку с гербом. Он перевёл взгляд на Дудочкина, потом на девушку, которая уже захлёбывалась слезами и по-

пытками вырваться, потом опять на удостоверение. На лице его отразилась сложная гамма чувств: от "ну и влип" до "а мужик-то, оказывается, не маньяк, а мент, только в плохом настроении".

Ситуация зависла на грани абсурда, как в той самой истории про джазовый оркестр на тонущем корабле. Представьте: солнечный Питер, Поэтический бульвар, утопающий в зелени, из детского садика доносится дружный плач перепуганных детей, воспитательницы смотрят сквозь сетку забора с ужасом и одновременно с жгучим любопытством, мимо проезжает маршрутка, пассажиры которой свесились из окна и с интересом наблюдают за драмой, а в центре всего этого великолепия — опер Дудочкин. Весь в траве, в листьях сирени, с горящей адским пламенем ногой, одной рукой придерживая наручники на одной руке девушки, а второй — показывая ксиву парню. Сама девушка, кстати, продолжала извиваться, пытаясь лягнуть Дудочкина в больную ногу. Оперативное чутьё подсказывало, что она, возможно и есть та самая серийная похитительница, которая терроризирует 57-й отдел, а может, просто очень нервная особа, которая решила, что жизнь — это сплошной экшн.

И тут Дудочкин с ужасом осознал: его гениальный, продуманный до мелочей план, где он выступал то ли в роли ловкого и бесшумного Штирлица, то ли лопуха-флориста, только что чуть с треском не провалился в то самое ведро с синей краской, которое он в детстве так любил опрокидывать на

голову соседскому мальчишке. Вместо тихой засады и элегантного задержания с поличным — цирк на колёсах, рваная мышца и потенциальный конфликт с местным населением, которое уже начинало собираться в кучку на другой стороне бульвара, привлечённое криками и общей суматохой.

Но сдаваться было не в характере Дудочкина. У него было воспитание старой школы, когда опер должен был выложиться до конца, даже если всё идёт коту под хвост. Тем более, что на горизонте, в пятидесяти метрах, сиротливо белела та самая коляска. «Зорька-3», новая, пахнущая пластиком и надеждой. И её, кажется, уже начал с интересом разглядывать прохожий с собакой — пуделем неопределённого возраста и цвета, который тоже, видимо, решил, что участвует в каком-то городском квесте.

Парень, наконец, осознав, что перед ним не мифический маньяк, а представитель органов, растерянно опустил руки.

— Так вы.. мент? — переспросил он, глуповато моргая. — А я думал…

— Можешь не думать, — отрезал Дудочкин, пытаясь одной рукой защёлкнуть второй браслет на запястье девушки, которая уже почти вывернула ему большой палец. — Ты лучше скажи, ты откуда взялся вообще? И почему такой бесстрашный?

Парень открыл рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент девушка, собрав последние силы, закричала с таким надрывом, что у Дудочкина заложило уши:

— Он вор! Он украл мою коляску! Милиционер, а сам ворует!

Дудочкин, наконец-то защёлкнув второй браслет на запястье своей пленницы, которая уже почти перестала извиваться и перешла к фазе тихого, но очень выразительного шипения, поднял глаза на растерянного парня. Тот всё ещё стоял с открытым ртом, видимо, переваривая информацию о том, что женщина, которую он только что собирался героически спасать, на поверку оказалась серийной похитительницей колясок. Дудочкин, чувствуя, как боль в бедре пульсирует в такт сердцу, обратился к нему тоном, не терпящим возражений, но с ноткой усталой хитрости:

— Так, боец. Ты хотел помочь? Помоги. Окажи содействие органам правопорядка. Видишь ту коляску? — он махнул головой в сторону сиротливо стоящего агрегата, на который уже с нескрываемым интересом косился прохожий с пуделем. — Загрузи её в свою «девятку», дуй в 57-й отдел на Культуры. Передашь дежурному, что опер Дудочкин задержал подозреваемую в серии краж колясок. Пусть заказывают следака и высылают ко мне УАЗик для транспортировки. И никуда не сворачивай. Я запомнил твой номер, у меня феноменальная память на госномера, особенно когда на кону моя премия.

Парень, видимо, всё ещё пребывая в шоке от внезапного поворота сюжета, лишь кивнул. Он подошёл к коляске, с трудом, но с каким-то звериным упорством запихнул её в ба-

гажник и втиснул в салон, дверь багажника осталась открыта. Двигатель чихнул, и "девятка", издав прощальный рёв, скрылась за поворотом в сторону отделения. Дудочкин проводил её взглядом, и в голове мелькнула нехорошая мысль, которая всегда возникает у опера, когда он отпускает вещдок с первым встречным: "Лишь бы не с концами. Лишь бы этот благородный рыцарь не решил, что коляска — это его законный трофей за моральные страдания".

Дальше всё пошло по протоколу, но с таким оттенком абсурда, что даже у Дудочкина, видавшего виды, иногда возникало желание протереть глаза. Мобильных телефонов операм не выдавали — это вам не девяностые, это вам.. ну, тоже девяностые, но с другой стороны. Связь с отделом была только одна — через парня с машиной. И Дудочкин, оставшись наедине с брыкающейся гражданкой посреди Поэтического бульвара, чувствовал себя не столько представителем закона, сколько пастухом, который пасёт норовистую козу, пока не приедут хозяева.

Прошло минут двадцать. Дудочкин стоял, опершись на дерево — кажется, это был тот самый клён, под которым любил сидеть Блок, хотя Дудочкин в школе Блока читал только в кратком изложении. Боль в бедре пульсировала с такой силой, что даже ветер, дувший с Невы, казался обжигающим. Пленница, сидя на траве с наручниками за спиной, периодически пыталась вступить в диалог, но Дудочкин на все её вопросы отвечал однозначно: "Ждём".

Наконец, из-за поворота показался канареечный УАЗик, прокопчённый, с выцветшей полосой и водителем — помощником дежурного, дядей Ваней. Дядя Ваня, человек, который, казалось, спал даже за рулём, но при этом знал все ямы на Поэтическом до миллиметра, вылез из кабины и с сочувствием оглядел Дудочкина, который больше походил на раненого солдата, вернувшегося с войны.

— Ох, Дудочкин, — протянул дядя Ваня, — ты чего, с медведем боролся? А это что за фея? — он кивнул на девушку.

— Фея колясочная, — сквозь зубы процедил Дудочкин. — Давай грузи её, да побыстрее. А то я сейчас тут сам слягу, и тогда придётся нас двоих загружать.

В отделе всё закрутилось. Девушку, которую по документам, найденным в сумочке, которую она бросила в коляску, звали Шевыревой Натальей Петровной, зарегистрировали, водворили в кабинет и начали стандартную процедуру. И тут случилось нечто, от чего Дудочкин, сидящий с перемотанной эластичным бинтом ногой на стуле, чуть не упал вместе с ним. Как только задержанная услышала, что ей предъявляют, она посмотрела на Дудочкина с неожиданным спокойствием и сказала деловым тоном, от которого у всех присутствующих зачесались руки:

— Дайте мне бланк. Готова писать явку с повинной.

Оперативники всего отдела, включая стажёров, бросили все свои дела. Следующие двое суток 57-й отдел напоминал

не столько правоохранительный орган, сколько конвейер по производству протоколов. Шевырева, вздохнув с облегчением, выдавала эпизод за эпизодом. Оказывается, она орудовала по всему правому берегу Невы, от Энгельса до "Весёлого посёлка", как неутомимый терминатор. Всего она накатала на сорок с лишним эпизодов. Опера радостно потирали руки, рассылая факсы и звоня во все соседние районы. Где-то десять эпизодов не подтвердились — видимо, какие-то мамаши решили, что коляска укатилась сама, но в целом картинка складывалась впечатляющая.

Потом был обыск дома Шевыревой. Дудочкин, который лично присутствовал при этом действе, потом рассказывал коллегам, что не знал, куда девать глаза. Квартира напоминала не жилое помещение, а склад «Детского мира». Здесь были не коляски — их, как выяснилось позже, она моментально сбывала по объявлениям в газете «Реклама-Шанс», чтобы не засветиться. А вот игрушки, которые обычно цепляют на коляски, — погремушки, мягкие мишки, пластиковые кольца-прорезыватели, музыкальные мобили, куклы, зайцы и бесконечные плюшевые собаки — лежали штабелями, коробками, мешками. Весь этот детский скарб смотрел на опера с немым укором, как будто спрашивал: «Ну и зачем ты нас нашел? Опять придется возвращаться к этим извергам детям». Вся обстановка создавала ощущение, что Дудочкин попал не в квартиру, а в параллельную вселенную, где правят бал производители детских радостей. И только две коляски,

которые она, видимо, припрятала «на чёрный день», стояли в углу, как экспонаты музея, дожидаясь своего часа. Следователь лишь вздохнул и принялся составлять опись, которая позже займёт не один десяток листов.

Все игрушки изъяли. Затем пошли «концы». Вычислили покупателей, которым Шевырева успела сбагрить краденое. Те, узнав, что приобрели вещь с криминальным прошлым, не то что не сопротивлялись — они сами привозили коляски в отдел, боясь, что их привлекут за соучастие. И вот 57-й отдел, этот оплот порядка и дисциплины, внезапно превратился в ярмарку детских колясок. Они стояли в коридорах, лестничных клетках, кабинетах, даже в кабинете начальника, где Топтун, наступая на колесо очередной «Зорьки», уже не ругался, а только тяжело вздыхал.

За активное сотрудничество со следствием, на удивление Дудочкина и всего отдела, Шевыреву оставили на свободе. Выписали подписку о невыезде и серьёзно погрозили пальцем. Но самое невероятное произошло потом. Она попросила у следователя координаты всех потерпевших. Все! Три десятка мам, которые потеряли своих «деток» (речь, конечно, о колясках), вдруг начали получать денежные переводы и личные извинения. Шевырева, как оказалось, работала где-то в бухгалтерии и имела доступ к информации по финансам граждан. Она в короткий срок возместила ущерб до копейки. Большинство похищенных колясок вернулись к владельцам.

Суд, когда дело дошло до финала, учёл всё: и явку с по-

винной, и раскаяние, и возмещение вреда морального и материального, и даже то, что Шевырева, оказывается, вела активную общественную жизнь. Решение было принято единолично судьёй: прекратить дело в связи с примирением сторон. Никто из потерпевших не имел к ней претензий. Даже те, кто не получил коляску обратно, но получил деньги, писали ходатайства в суд. И вот тут, на заседании, когда зачитывали материалы, характеризующие личность подсудимой, судья, поправив очки, произнёс фразу, от которой у Дудочкина, сидящего в зале с перебинтованной ногой, челюсть медленно, но верно поползла вниз.

— Шевырева Наталья Петровна, — монотонно читал судья, — 1975 года рождения, не судима, характеризуется положительно, имеет спортивные разряды. В том числе, является мастером спорта по лыжным гонкам.

Дудочкин потом говорил, что сидел, как вкопанный, и смотрел на эту хрупкую, миловидную женщину, которая, оказывается, могла дать фору любому бегуну. Он вспомнил свою горящую мышцу, своё кряхтение, свои проклятия, и его прошиб холодный пот. В зале суда пахло не правосудием, а какой-то вселенской иронией. Как он, простой опер, с хронической ленью, любовью к чаю с баранками, травмированной ногой, догнал мастера спорта по лыжным гонкам?

Дудочкин вышел из здания суда, солнце уже клонилось к закату, заливая Питер золотом. Колясочная эпопея завершилась. На его счету было раскрытое дело, но ощущение ка-

кой-то щемящей несправедливости не покидало его. Он подумал: "Может, ну её, эту милицию? Может, пойти на лыжную базу тренером?" И что самое смешное — в отделе всю следующую неделю гуляла легенда, что Дудочкин завалил олимпийскую надежду в честной схватке, и подполковник Топтун теперь смотрел на него с лёгким, почти отеческим уважением. А Дудочкин просто мечтал об одном: чтобы у него больше никогда не было таких «спортивных» задержаний. И чтобы никто больше не крал коляски. Хотя бы до следующего лета.

Но это все было потом. А сейчас…

Дудочкин сидел на своём продавленном стуле, пил чай из гранёного стакана с мутным налётом внутри и смотрел в окно. Дело Шевыревой стало одним из первых по-настоящему серийных преступлений, раскрытых в 57-м отделе. Не просто драка в подворотне или мелкая кража на рынке, а целая эпопея, которая превратилась в легенду. Когда в коридорах Управления заходила речь о раскрываемости, кто-то обязательно упоминал: "А помните колясочницу с Кустодиева? Это ж наши, 57-е, раскрыли!".

В отделе эту историю пересказывали с разными подробностями. Кто-то утверждал, что Дудочкин догнал Шевыреву на трёх километрах дистанции. Кто-то шептал, что он, не будь дурак, специально растянул мышцу, чтобы потом на больничном отдохнуть недельку. Но правда, как обычно, была прозаичнее: Дудочкин действительно месяц хромал, мазал

ногу какой-то вонючей мазью и проклинал тот день, когда решил стать оперативником, а не, скажем, библиотекарем.

Но самое удивительное случилось на утренней сходке через неделю после завершения дела. Топтун, как обычно, зашёл в кабинет, окинул взглядом своих подопечных и уже открыл рот, чтобы начать очередную порцию воспитательной работы. Все внутренне сжались, приготовившись к привычному разносу. Подполковник помедлил. Посмотрел на Дудочкина, который сидел с максимально невинным видом, держа руки на коленях. Топтун крякнул, потёр переносицу и сказал то, чего никто не ожидал:

— Так. По делу Шевыревой. Молодцы, короче. Раскрыли. — Он сделал паузу, словно переваривая собственные слова. — Дудочкин, ты там.. ну, в общем, не облажался.

Повисла тишина. Такая звонкая, что было слышно, как муха бьётся о стекло. Опера переглянулись. Дудочкин перестал дышать, боясь спугнуть это чудо.

— Я, это.. — начал было он, но Топтун поднял руку.

— Молчи. Не порти момент. — Подполковник достал платок, вытер вспотевший лоб и добавил, глядя куда-то в сторону, словно признание давалось ему физически больно: — Объявляю благодарность всему составу, причастному к раскрытию. Особо отличившимся — сухари к чаю из моих личных запасов.

Все замерли. Сухари от Топтуна — это было что-то за гранью реальности. Но Дудочкин ждал главного. Он смотрел на

подполковника с такой надеждой, что тот даже смутился.

— И.. — продолжил Топтун, скрипя зубами, словно выдавливал из себя последний зуб мудрости, — в течение недели.. пилюлей не будет.

В кабинете повисла гробовая тишина, которая через секунду взорвалась таким хохотом, что, наверное, было слышно на соседней улице. Дудочкин схватился за сердце — шутка ли, целая неделя без утренних разносов! Семь дней спокойной жизни, без того, чтобы тебя поливали грязью за нераскрытые квартирные кражи и пьяные разбои! Это был не просто подарок судьбы — это был джекпот, сорванный в лотерею, о которой никто не знал.

Дудочкин потом часто вспоминал этот момент. Дело Шевыревой стало для него не просто строкой в отчёте. Оно стало доказательством того, что даже в мире, где всё идёт коту под хвост, иногда случаются чудеса. Чудеса в виде мастера спорта по лыжным гонкам, которая ворует коляски, потому что ей не хватает игрушечных мишек. Чудеса в виде парня на "девятке", который случайно стал курьером. И чудеса в виде Топтуна, который целую неделю не орал на подчинённых.

Правда, через семь дней всё вернулось на круги своя. На утренней сходке Топтун снова метал громы и молнии, а Дудочкин снова сидел с каменным лицом, делая вид, что ему не страшно. Но в душе он знал: ту прошедшую неделю у него никто не отнимет. И когда кто-то из молодых оперов спрашивал его, как раскрывать серийные дела, Дудочкин зага-

дочно улыбался и говорил:

— Главное — не бегать за ними. Они сами прибегут. Особенно если у них в детстве не было игрушек.

Никто в этом ответе, включая Дудочкина, ничего не понимал. Но все понимающе кивали головами и удалялись.

С тех пор в 57-м отделе над ним посмеивались, но с уважением. Всё-таки не каждый день опер догоняет мастера спорта по лыжным гонкам. И уж точно не каждый день Топтун объявляет неделю без пилюлей.

А колясочная эпопея так и осталась в анналах 57-го отдела как напоминание: в жизни всегда есть место абсурду, и иногда именно он помогает навести порядок. Даже если для этого нужно растянуть мышцу, пробежать со стволом наперевес через детский сад и завалить на землю олимпийскую надежду. Главное — чтобы пилюлей не выписывали. Хотя бы неделю…

КОНЕЦ

ПЯТЬ БУТЫЛОК

О ревности, двух битах и пиве, погибшем при исполнении

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПЯТЬ БУТЫЛОК

Петербург принято считать большим городом, и географически спорить с этим было трудно. Особенно если утром требовалось попасть с Просвещения на Лиговский, а вечером проделать тот же путь обратно, ощущая, как вместе с машиной медленно стареет водитель, то есть ты. Но у тех, кто прожил здесь достаточно долго, существовало другое ощу-

щение: город был огромным главным образом для приезжих. Для своих он постепенно сжимался до нескольких районов, знакомых улиц, нужных телефонов и людей, которых рано или поздно всё равно встретишь, даже если предпочёл бы никогда больше не видеть.

Михаил Васильев эту особенность Петербурга до поры воспринимал скорее как удобство. Жил он возле метро «Проспект Просвещения», работал заместителем директора вполне приличной фирмы на Лиговском и считал свою жизнь если не устроенной окончательно, то хотя бы достаточно крепко собранной, чтобы не ждать от неё внезапных поворотов.

Заместитель директора вообще должность философская. Директор отвечает перед хозяевами, сотрудники — перед заместителем, а заместитель постепенно начинает отвечать за всё, чего не сделали ни тот, ни другие. За это ему дают отдельный кабинет, чуть лучшую зарплату и возможность время от времени уверенно произносить: «Я разберусь», хотя разбираться совершенно не хочется.

Миша с этой ролью справлялся. У него был чёрный «Мерседес», хороший костюм, привычка приезжать вовремя и Катя, которая, пожалуй, была главным доказательством того, что жизнь всё-таки удалась.

Катя не превращала совместное существование в бесконечную воспитательную программу, не считала каждую бутылку пива началом алкоголизма и не пыталась сделать из

взрослого мужчины улучшенную версию человека с помощью йоги, сельдерея и семейной психотерапии. Она работала в рекламе, умела смеяться над ерундой и готовила так, что Миша временами прощал человечеству даже налоговую систему.

Единственным неудобством оставалось её прошлое, и прошлое это звали Андрей.

Когда-то он ухаживал за Катей и, судя по дальнейшему поведению, считал этот процесс юридически бессрочным. Сама Катя давно перевела Андрея в категорию людей, о которых говорят: «Ну этот… который иногда звонит», однако Андрей такого понижения в должности не признал. Он мог внезапно объявиться по телефону, напомнить о каких-то старых прогулках, спросить, счастлива ли она, а иногда после определённого количества выпитого сообщал, что некоторые ошибки ещё не поздно исправить.

Поначалу Миша раздражался, потом привык. У каждого дома есть что-нибудь, с чем приходится мириться: у одного соседи сверлят по воскресеньям, у другого постоянно батарея течёт, у третьего бывший поклонник женщины периодически вспоминает о великой любви. До определённого момента всё это было примерно одинаково безопасно.

В тот июньский вечер Миша вышел с работы в редком состоянии человека, которому завтра не надо вставать слишком рано. Петербург неожиданно выдал настоящий тёплый день, и город немедленно воспользовался им весь, без остат-

ка: на тротуарах прибавилось людей, возле метро — девушек в лёгких платьях, на газонах — компаний, а в воздухе появилась та особенная беспечность, которую Петербург отпускает жителям небольшими порциями, словно опасаясь, что они привыкнут.

По дороге домой Миша заехал в магазин и купил пять бутылок пива.

Именно пять.

Позже эта цифра приобретёт некоторое историческое значение, хотя в ту минуту никакой символики в ней не было. Две бутылки выглядели несерьёзно, десять — уже тревожно, а пять обещали нормальный вечер с Катей, телевизором и ощущением заслуженного конца рабочей недели.

По крайней мере, так казалось возле кассы.

Оставив машину, Миша поднялся на свой этаж и, когда двери лифта разошлись, сначала заметил двух мужчин, а уже потом понял, что у обоих в руках биты. Обстоятельства вообще иногда доходят до сознания в неправильном порядке, особенно если до этого человек думал исключительно о холодном пиве и ужине.

Лица у незнакомцев были закрыты настолько условно, что никакого профессионального криминала за этим не чувствовалось. Один натянул на нос спортивную шапку, второй соорудил нечто вроде балаклавы из шерстяного изделия, которому, судя по качеству, изначально предназначалась гораздо более мирная судьба.

Разговаривать они не стали.

Первый удар пришёлся вскользь, второй Миша успел принять плечом, после чего пакет с бутылками, ещё несколько секунд назад бывший обычной покупкой, превратился в средство самообороны вопреки всем рекомендациям производителя.

Он махнул им почти инстинктивно, стекло встретилось с битой, пиво брызнуло на стену, по площадке разлетелись осколки, и нападавшие на мгновение отшатнулись. Этого хватило, чтобы Миша снова дёрнул пакет на себя и ещё одна бутылка закончила существование в интересах личной безопасности владельца.

Драка получилась короткой, шумной и очень глупой — как большинство драк, если потом убрать из рассказа всё героическое. Миша получил по голове, врезался плечом в стену, однако сумел ухватить одного из нападавших за шапку и рванул её вниз.

Ткань сползла с лица, и несколько секунд мужчины молча смотрели друг на друга, потому что приличного комментария для подобной встречи человеческий язык действительно не предусмотрел.

Перед Мишей стоял Андрей.

Тот самый бывший поклонник, который ещё недавно страдал преимущественно по телефону.

Миша мог спросить, не сошёл ли тот окончательно с ума, но вопрос выглядел избыточным. Человек, пришедший с би-

той разбираться с нынешним мужчиной своей бывшей женщины, уже сам довольно подробно на него ответил.

Андрей сообразил это тоже. Второй парень дёрнул его за рукав, и оба бросились к лестнице, оставив Мишу среди пивной пены, стекла и постепенно наливающегося под глазом синяка.

Он постоял, прислушиваясь к собственной голове, затем посмотрел на разорванный пакет.

Все пять бутылок прекратили существование значительно раньше, чем предполагалось.

— Вот же сволочи, — сказал он без особого чувства, скорее констатируя размер материального ущерба.

А потом спустился обратно в магазин.

Серьёзные потрясения люди переживают по-разному. Кто-то звонит врачу, кто-то родственникам, кто-то адвокату. Миша решил, что вечер всё равно состоялся, просто бюджет на пиво неожиданно вырос вдвое.

Юре Дудочкину он позвонил уже по дороге домой.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЛЮБОВЬ УШЛА В ПОДПОЛЬЕ

В девятнадцатом кабинете 57-го отдела вечер проходил значительно спокойнее. Дудочкин перебирал бумаги, которые обладали редким свойством размножаться быстрее, чем их успевали читать, Денис Меньшов по прозвищу Малыш пытался понять, можно ли считать вчерашний бутерброд сегодняшним ужином, если всё это время он лежал в ящике стола, а Тихий сидел возле окна и слушал обоих, не считая

нужным участвовать в разговоре.

Телефон зазвонил как раз в тот момент, когда Юра уже почти решил, что остаток дежурства пройдёт без серьёзных приключений. Подобные мысли милицейская служба обычно воспринимала как личное оскорбление и старалась немедленно опровергнуть.

Мишу Дудочкин знал давно. Не настолько, чтобы вместе встречать Новый год, но достаточно, чтобы по голосу понять: звонит тот не из-за сломанного замка и не потому, что сосед занял парковочное место.

Юра слушал молча, иногда переспрашивал, а когда рассказ дошёл до маски, Андрея и разбитого пива, отодвинул от себя бумаги.

— Ты его точно узнал?

— Юр, я с ним не ночью в лесу встретился. Маску сам с него сдёрнул.

— Сильно тебя?

— Жить буду.

— Это пока не медицинское заключение.

Миша рассказал про Катю, прежние звонки Андрея и добавил, что никакого заявления писать пока не хочет. Именно это заставило Дудочкина нахмуриться сильнее, чем рассказ о битах.

— Почему?

— Не хочу Кате всю эту грязь домой тащить. Да и посадить человека за то, что он идиот…

Юра перебил:

— Миш, он к тебе не с цветами пришёл.

— Я понимаю.

— Хорошо понимаешь?

— Хорошо.

Люди обычно обращались в милицию именно затем, чтобы кого-нибудь немедленно посадили, желательно надолго и ещё до того, как выяснится, за что именно. Васильев хотел более сложного: чтобы Андрей понял.

Дудочкин посмотрел на Меньшова, который уже отложил бутерброд, потому что по выражению Юриного лица понял: разговор стал интереснее еды.

— Ладно. Завтра приезжай.

— Зачем?

— Будем повышать качество его понимания.

Когда Юра положил трубку, Денис спросил, что случилось.

— Любовь, — ответил Дудочкин.

Малыш вздохнул:

— Опять?

Тихий не отрываясь от окна заметил, что лето только началось, но у некоторых граждан сезон действительно круглогодичный.

История, конечно, была серьёзнее, чем звучала. Нападение вдвоём с битами — не тот случай, который нормальный человек решает воспитательной беседой. Но за годы рабо-

ты уголовный розыск слишком часто видел границу между настоящим злодеем и обычным дураком, который однажды сделал шаг настолько далеко, что сам потом не знает, как вернуться.

С Андреем эту границу ещё предстояло определить.

На следующий день его дома не оказалось.

Впрочем, и через день тоже.

К этому времени стало понятно, что Андрей, едва успев убежать с лестничной площадки, неожиданно обрёл ту предусмотрительность, которой ему так не хватило до нападения. По месту жительства не появлялся, на работу перестал ходить, телефон то выключал, то включал на несколько минут, а знакомым передавал противоречивые версии собственного местонахождения.

Уголовный розыск относился к подобным превращениям с профессиональным интересом. До преступления человек часто не способен просчитать даже ближайшие пять минут, зато после него вдруг обнаруживает способности конспиратора, начинает менять квартиры, избегать телефонов и внимательно смотреть по сторонам. Поздновато, конечно, но развитие личности тоже процесс небыстрый.

Несколько адресов проверили без результата.

Именно тогда в историю по-настоящему вошла Катя.

Миша до последнего не хотел посвящать её в подробности, однако синяк под глазом, разбитая губа и внезапное появление в их жизни нескольких оперов плохо сочетались с

версией о том, что он просто неудачно встретился с дверцей кухонного шкафа.

Катя выслушала всё молча.

— Он совсем дурак?

Миша подумал.

— После пяти бутылок вроде начал выздоравливать.

Она не улыбнулась.

Зато почти сразу сказала, что Андрей всё равно попытается с ней связаться. Бегать от милиции он мог сколько угодно, но от собственного желания ещё раз объяснить Кате, почему весь мир устроен неправильно, Андрей отказаться вряд ли сможет.

Так и получилось.

Через общих знакомых удалось передать ему, что Катя хочет поговорить. Ответ пришёл быстро: встретиться он согласен, но место назначил сам — угол Думской и Невского.

Дудочкин, услышав адрес, покачал головой.

— Хорошее место для конспирации. Народу мало, милиции рядом нет, и вообще окраина.

В поездку собрались Юра Дудочкин, Тихий, Игорь Сорокин (Доктор) и Малыш. Миша предоставлял транспорт и личный интерес к мероприятию.

Его чёрный «Мерседес» возле отдела выглядел почти неприлично хорошо.

Доктор обошёл машину и заметил, что на такой технике задержание сразу приобретает международный уровень.

— Миша, ты бы ещё на танке приехал.

Михаил за словом в карман не полез:

— Звонил танкистам. Но те ответили, что последний танк вчера проиграли в преферанс азербайджанцам с рынка на «Просвете». Так что придётся на «Мерседесе».

Юра признал причину уважительной, и все начали рассаживаться.

Только одного никто не сделал: не посчитал места на обратную дорогу. Пока Андрей существовал где-то впереди как объект розыска, транспортная проблема выглядела исключительно теоретической.

Катя должна была добраться до места сама. Сигнал придумали простой: если появляется Андрей, она поправляет волосы и на несколько секунд задерживает руку возле воротника. Опера вообще не любили сложных условных жестов. В нужную секунду человек способен забыть даже собственный адрес, а уж вспоминать, каким ухом ему полагалось почесать, — роскошь.

Приехав, еще раз проинструктировали Катю и послали на встречу. Остальные растворились в людях.

Тихий устроился ближе всех и почти сразу перестал бросаться в глаза, хотя находился практически на виду. У него была редкая способность становиться частью любого места — двора, остановки, подъезда, толпы. Доктор остановился возле витрины и с серьёзностью искусствоведа начал рассматривать одежду, которой в нормальной жизни не заинте-

ресовался бы даже со скидкой. Малыш перешёл на другую сторону проспекта. Дудочкин держался чуть дальше, наблюдая отражения в стекле.

Невский жил независимо от милицейского мероприятия. Туристы фотографировали фасады, машины лениво ползли вдоль проспекта, возле Думской уже собирались первые компании, а продавцы мороженого пользовались редкой возможностью торговать летом, которое в Петербурге никогда не обещало задерживаться надолго.

Минут через десять к Кате подошёл молодой парень.

Не Андрей.

Она поняла это сразу, однако парень заговорил, спросил что-то, и через несколько секунд Катя подала условный сигнал.

Дальше произошло то, ради чего оперов годами учат находиться именно там, где они нужны.

Тихий оказался возле незнакомца первым, Юра подхватил его с другой стороны, Денис перекрыл движение назад, а Доктор подошёл уже тогда, когда парень окончательно понял, что встреча развивается не по плану.

Всё заняло несколько секунд.

— Мужики, вы чего?

— Сейчас объясним, — сказал Дудочкин.

До опорного пункта милиции на Думской было ближе, чем до машины, поэтому туда и пошли.

Парня звали Максимом.

Первые минуты он пытался утверждать, что просто подошёл к знакомой девушке поговорить. Версия продержалась до того момента, когда выяснилось, что знакомая девушка впервые видела его в жизни.

Доктор слушал очень внимательно, даже доброжелательно, что обычно действовало хуже крика.

— Макс, давай ещё раз. Ты подошёл к Кате зачем?

— Поговорить.

— О чём?

— Ну… просто.

Сорокин кивнул.

— Хорошее слово. В милиции после слова «просто» обычно начинается самая длинная часть объяснения.

Максим заметно сник.

Никто его не бил, не орал и не обещал немедленно отправить в Кресты. В этом не было необходимости. Иногда пятерых минут в чужом кабинете и нескольких спокойных вопросов вполне достаточно, чтобы человек понял: роль разведчика оказалась гораздо менее романтичной, чем представлялась утром.

Макс рассказал всё.

Андрей действительно прятался и подходить к Кате сразу побоялся. Попросил знакомого сначала проверить, одна ли она, нет ли рядом Миши или подозрительных людей. Если всё спокойно, Макс должен был привести её в холл гостиницы «Европа», где Андрей собирался появиться сам.

— Хорошо придумал, — заметил Малыш.

Доктор посмотрел на него.

— Не хвали. Не заслужил.

Макса оставили местному сотруднику, а сами вышли обратно на Невский.

До «Европы» было совсем рядом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПАРИК, «ЕВРОПА» И БАГАЖНИК

Катя вошла первой.

Опера выдержали интервалы и начали заходить следом по одному. Тихий сел в стороне с видом человека, ожидающего знакомого. Доктор остановился возле рекламных буклетов. Денис остался ближе к выходу, а Юра прошёл глубже в холл.

Гостиничная жизнь текла вокруг них неторопливо и дорого. Иностранцы катили чемоданы, кто-то разговаривал на немецком, швейцар возле входа сохранял выражение лица человека, которому за годы службы приходилось видеть такое, о чём лучше не рассказывать дома… да и вообще нигде.

Катя прошла через холл.

Андрея не было.

Вернулась.

Никого.

Прошла ещё раз, уже медленнее.

Дудочкин почувствовал неприятное ощущение провала. Если Андрей каким-то образом видел задержание Макса, встреча закончилась, не начавшись. В подобных случаях ху-

же всего было даже не то, что человек ушёл, а невозможность понять, где именно ты его потерял.

Катя дошла почти до выхода.

И тут позади неё раздалось:

— Кать.

Она обернулась.

Мужчина, стоявший в нескольких метрах, был вроде бы незнакомым. Во всяком случае, густая тёмная шевелюра совершенно не соответствовала тому Андрею, которого видел Миша.

Катя смотрела секунду.

Потом поправила волосы.

Условный сигнал.

Дудочкин наконец рассмотрел лицо и мысленно выругался.

Парик.

Андрей подготовился лучше, чем ожидали. Он не просто прислал Макса вперёд, но, судя по всему, сам какое-то время наблюдал из глубины холла, позволил Кате дважды пройти мимо, убедился, что рядом не маячит никто знакомый, и только тогда решился окликнуть.

План был вполне приличным.

До той секунды, пока одновременно не двинулись четыре опера.

Тихий оказался у Андрея первым. Юра взял его с другой стороны, Денис перехватил руку, а Доктор перекрыл един-

ственное направление, куда тот ещё мог попытаться дёрнуться.

Андрей сопротивляться не стал.

Зато парик сопротивлялся.

Он съехал сначала на бок, потом почти закрыл ухо и окончательно превратил задержание из драматического события в нечто, что присутствующим было трудно воспринимать с должным служебным достоинством.

Доктор двумя пальцами поправил шевелюру.

— Не потеряй. Конспирация нынче дорогая.

В холле стало заметно тише.

Несколько иностранцев остановились. Кто-то откровенно смотрел, кто-то делал вид, что не смотрит, но получалось хуже. Один пожилой мужчина с фотоаппаратом подошёл чуть ближе и осторожно спросил:

— Police?

Дудочкин кивнул.

— Police.

Иностранец посмотрел на четырёх мужчин в гражданском, на Андрея с перекошенным париком и после короткой паузы уточнил:

— Mafia?

Юра подумал и ответил единственным английским словом, которое точно описывало причину всего происходящего:

— Love.

Лицо иностранца прояснилось.

— Ah!

Видимо, любовь объясняла русскую действительность лучше, чем милиция.

Андрея вывели через парадный вход.

Возле гостиницы ждал Мишин «Мерседес».

И вот только теперь выяснилось, что при планировании оперативного мероприятия вкралась небольшая арифметическая ошибка.

В машине уже были Миша, и четверо оперов.

На Андрея места никто не оставил.

Дудочкин заглянул в салон, словно надеялся, что свободное кресло за время задержания возникло само. Потом посмотрел на задержанного.

— А тебя мы не посчитали.

Малыш предложил кого-нибудь оставить.

Миша сразу сообщил, что его вариант не рассматривается, потому что автомобиль принадлежит ему.

Доктор ничего не сказал, только посмотрел на багажник.

Остальные проследили за взглядом.

Андрей тоже.

— Нет.

Юра посмотрел на него.

— Что «нет»?

— Я туда не полезу.

Дудочкин оглянулся на парадный вход «Европы», где уже

начинали задерживаться прохожие.

— Андрей, ты несколько дней от милиции прятался, чужого человека на разведку посылал, парик надел. Не порть финал.

Миша открыл багажник.

Андрей заглянул внутрь и неожиданно спросил:

— Там чисто?

Миша оскорбился почти искренне.

— Это «Мерседес».

Доктор кивнул:

— Сервис соответствует категории автомобиля.

Андрей понял, что обсуждение закончено, и полез внутрь.

Парик ему оставлять не стали. Денис взял его двумя пальцами.

— Куда?

— В салон, — распорядился Дудочкин. — Парик ни в чём не виноват.

Крышка закрылась.

Иностранец, которого особенно заинтересовала история любви, поднял фотоаппарат.

Миша заметил первым.

— Юр, он нас снимает.

Дудочкин посмотрел на туриста.

— Пусть. Может, дома расскажет про русскую мафию.

«Мерседес» тронулся от парадного входа гостиницы «Европа», увозя внутри пятерых взрослых мужчин, парик и ещё

одного взрослого мужчину в багажнике.

Петербург даже не удивился.

Любая глупость, если в ней участвуют несколько взрослых мужчин одновременно, очень быстро приобретает организационные признаки.

Минут через десять из багажника постучали.

Все замолчали.

Потом постучали ещё раз.

Малыш прислушался.

— Живой.

Доктор посмотрел на него.

— Диагностика у тебя, конечно, сильная.

Миша остановился.

Багажник открыли.

Андрей приподнялся и вдохнул воздух с такой благодарностью, будто до этого несколько лет провёл под водой.

— Душно.

Дудочкин посмотрел на него сверху.

— А ты думал, скрываться от милиции полезно для здоровья?

— Можно я в салон?

Юра обвёл взглядом пассажиров.

— Можно. Если выберешь, кто из нас поедет вместо тебя.

Андрей подумал.

— Я лучше ещё подышу.

— Вот. Уже начал принимать правильные решения.

Он посидел пару минут, глядя на улицу.

Прохожие, в свою очередь, смотрели на него.

Женщина с мальчиком замедлила шаг. Ребёнок немедленно показал пальцем:

— Мам, там дядя!

Мать отвела его руку.

— Не показывай пальцем, некрасиво.

Дудочкин проводил их взглядом.

— Правильно. Культура в культурной столице начинается с семьи.

Крышку закрыли.

Поехали дальше.

Пробка на Невском подарила Андрею следующую возможность познакомиться с наружным воздухом. На этот раз рядом остановилась группа туристов, и пока задержанный дышал, мужчина с камерой осторожно подошёл к машине.

— Accident? — спросил он.

Доктор посмотрел на Юру.

— Чего хочет?

— Интересуется, несчастный ли это случай.

Сорокин посмотрел на Андрея.

— Смотря для кого.

Дудочкин перевёл доступными средствами:

— Russian accident.

Турист довольно кивнул и сфотографировал.

Андрей закрыл лицо ладонями.

— Вы издеваетесь.

Малыш пожал плечами.

— Если бы издевались, брали бы деньги за просмотр.

Возле площади Мужества остановились ещё раз.

Теперь рядом оказалась пожилая женщина с авоськой. Увидев открытый багажник и лежащего внутри человека, она остановилась без всякого страха, а скорее с тем спокойным интересом, который свойственен петербургским бабушкам после нескольких десятилетий наблюдения за жизнью.

— Умер?

— Нет, — ответил Денис.

— А чего тогда в багажнике?

Дудочкин объяснил:

— Любовь.

Женщина внимательно посмотрела на Андрея.

— Пьяный?

— Хуже. Влюблённый.

Она понимающе кивнула.

— А-а. Тогда ясно.

И пошла дальше.

Доктор проводил её взглядом.

— Вот жизненный опыт. Ни одного лишнего вопроса.

К 57-му Андрей подъехал уже с выражением человека, который за последние несколько часов пересмотрел не только отношение к Кате, но и преимущества немецкого автомобилестроения.

Дудочкин открыл крышку.

— Приехали.

Андрей медленно сел.

— Куда?

Малыш показал на отдел.

— А вот теперь культурная программа.

Доктор поправил очки.

— Лечебная.

Внутрь Андрей пошёл пешком.

Всё-таки даже профилактика должна когда-нибудь менять форму.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА

В девятнадцатом кабинете он очень быстро перестал напоминать человека, который несколько дней прятался от милиции и проверял встречи через посредников.

Без парика, приятеля и ощущения собственной хитрости перед операми сидел обычный мужик, сделавший глупость настолько большую, что теперь сам не понимал, как она вообще могла показаться разумной.

Доктор устроился напротив.

Не начал ни с угроз, ни с вопросов. Просто некоторое время молчал.

Эта его привычка действовала на людей неприятно. Человек готовится к давлению, к обвинениям, к повышенному голосу, а вместо этого получает тишину, которую приходит-

ся заполнять собственными мыслями. А собственные мысли в таком положении обычно куда убедительнее милицейских.

Первым не выдержал Андрей.

— Что теперь будет?

Доктор посмотрел на него.

— А что, по-твоему, должно быть?

— Не знаю.

— Несколько дней назад, похоже, знал.

Андрей опустил глаза.

Разговор начался с биты и постепенно ушёл гораздо дальше.

— Зачем ты её взял?

— Напугать хотел.

— Кого?

— Михаила.

— Напугал?

Ответа не последовало.

— Его ударили по голове.

— Я не хотел сильно.

Доктор слегка откинулся на спинку стула.

— Вот это всегда интересно. Человек берёт биту, идёт к другому домой, начинает ею размахивать, а потом выясняется, что ничего серьёзного не собирался делать. Зачем тогда бита? Для убедительности?

— Я злой был.

— Злость — состояние. Бита — предмет. Между ними

обычно успевает поместиться хотя бы одна мысль.

Андрей молчал.

Сорокин не торопил. Он возвращал разговор к одному и тому же: чего Андрей вообще хотел добиться? Избить Михаила — и после этого Катя внезапно поймёт, что любит настоящего мужчину? Убрать соперника — и прошлое само вернётся? Напугать — и тем самым доказать глубину чувств?

Через некоторое время Андрей устало сказал:

— Она должна была быть со мной.

Доктор впервые посмотрел на него почти с любопытством.

— Почему?

— Потому что…

На этом всё и закончилось.

Никакого продолжения не нашлось.

Мысль о великой любви красиво выглядит до тех пор, пока ей не зададут несколько простых вопросов. Иногда после них обнаруживается, что под ней годами лежали обычная обида, самолюбие и нежелание признать чужой выбор.

Дудочкин подключился позже. Его подход был менее философским.

Он положил перед Андреем чистый лист.

— Представляешь, сколько лет изоляции от общества можно тебе устроить?

Андрей поднял глаза.

— Много?

— Очень. Группа, биты, предварительная договорённость, нападение. А самое неприятное для тебя — Миша тебя узнал, что является железобетонной доказухой. Тут, Андрюша, такую уголовную драматургию можно развести, что читать потом будешь несколько лет. Похлеще Шекспира.

— Я же его не убил.

— Большое человеческое спасибо. От семьи.

Андрей побледнел.

— Реально посадят?

Дудочкин пожал плечами.

— А ты как думаешь?

Юра не стал долго пугать его сроками. Это было даже не нужно. Достаточно было спокойно объяснить, как легко вчерашняя обида превращается в уголовное дело, а большая любовь — в строчку о мотиве.

— Катя выбрала другого, — сказал он наконец. — Так бывает. Люди вообще постоянно выбирают не нас. Начальство повышает другого, женщина уходит к другому, таксист забирает другого пассажира. Если каждый раз брать биту, никакого здоровья не хватит.

Андрей неожиданно усмехнулся и почти сразу снова посерьёзнел.

— Я дурак.

— Вот. Первый положительный результат нашей работы.

Ближе к ночи Андрей сам попросил поговорить с Мишей.

Их оставили вдвоём.

Никто не стал слушать под дверью. Некоторые разговоры становятся хуже, если рядом сидит третий человек с блокнотом.

Минут через сорок Миша вышел в коридор с лицом, на котором одновременно жили облегчение и полное непонимание того, что делать дальше.

— Мужики…

Дудочкин поднял голову.

— Что?

— Вы его серьёзно сажать собираетесь?

— А что?

— Да ну вас.

— Это не процессуальная позиция.

Миша сел на край стола.

— Он понял.

Доктор посмотрел на него.

— Точно?

— Думаю, да.

— Намедни тоже много думал.

— Я всё равно заявление писать не хочу.

Вот тут начиналась та неудобная территория, где человеческие отношения, закон и милицейская практика конца девяностых существовали каждый по собственным правилам.

Дудочкин несколько секунд молчал.

— Простил?

— Не совсем.

— Уже ближе к правде.

— Мне достаточно.

Юра посмотрел через открытую дверь на Андрея, который сидел, ссутулившись, и уже ничем не напоминал человека в маске с битой.

— Ладно. Тогда с тебя поляна. Мы ради тебя почти международный скандал устроили. Пол-Европы и четверть Америки теперь фотографии проявляет.

Миша засмеялся.

— Договорились.

Андрея отпускали без торжественных речей.

Перед дверью Дудочкин всё-таки остановил его.

— Катю больше не трогаешь.

— Не буду.

— Мишу?

— Тоже.

— Биты?

Андрей вздохнул.

— Особенно биты.

— Вот с этого и надо было начинать.

Он уже пошёл к выходу, когда Малыш окликнул:

— Андрей!

Тот обернулся.

— Багажник как?

Андрей посмотрел на него, потом неожиданно улыбнулся.

— Убедительно.

Доктор кивнул.

— Значит, лечебный эффект достигнут.

ЭПИЛОГ. СТАБИЛЬНОСТЬ

Миша обещанную поляну организовал через неделю.

Выбрались за город, натопили баню, накрыли стол и впервые за несколько дней позволили себе никуда не торопиться. Лозового тоже приглашали, однако Юрий Николаевич после короткого размышления сообщил, что у него жена, дача, огурцы. Но все поняли: просто не хотел потом

неделю объяснять, почему у него на лбу написано зелёнкой «Зенит — чемпион». После этого коллектив пришёл к выводу, что начальник отдела обладает превосходным инстинктом самосохранения.

На природе вспоминали Андрея, «Европу», парик и багажник. За неделю история уже успела начать улучшаться, как это обычно и происходило с любым событием, прошедшим через несколько оперских пересказов.

По версии Малыша, иностранный турист был корреспондентом крупной западной газеты. Тихий утверждал, что через пару лет фотография непременно появится в учебнике под заголовком «Права человека в России в переходный период». Доктор попросил хотя бы в устной истории не приписывать отделу международное значение, которого у него не было.

Миша поднял стакан.

— Мужики, спасибо.

Крик тут же уточнил:

— За что конкретно?

— За всё.

— Слабая формулировка.

— Тогда за воспитательную работу.

Доктор одобрительно кивнул.

— Вот теперь официально. И совершенно непонятно, что произошло. Значит, правильно.

Выпили.

Солнце ещё стояло высоко, вокруг пахло травой, дымом и коротким петербургским летом, которое люди всегда стараются прожить чуть быстрее, потому что слишком хорошо знают: оно закончится раньше, чем успеешь привыкнуть.

Дудочкин сидел немного в стороне и думал, что история в итоге получилась довольно странная. Пять бутылок пива случайно спасли человеку голову. Влюблённый преследователь несколько дней изображал подпольщика, прислал на разведку приятеля, надел парик, едва не перехитрил целую группу оперов, а закончил всё равно в багажнике машины того самого человека, которого собирался избить.

В служебной отчётности для подобных результатов отдельной графы не существовало.

Наверное, и к лучшему.

Не всё полезное обязано хорошо выглядеть на бумаге.

Через месяц Андрей позвонил Мише.

Тот удивился, но трубку не положил.

Встретились возле метро. На этот раз Андрей пришёл без парика, без приятелей и вообще без какого-либо спортивного инвентаря, что уже можно было считать хорошим признаком.

Сели выпить по бутылке пива.

Андрей рассказал, что познакомился с другой девушкой.

— Нормальная? — спросил Миша.

— Нормальная.

— Уже неплохо.

Некоторое время они сидели молча, а потом Андрей сказал:

— Спасибо тогда.

— Мне?

— И тебе. И этим твоим…

— Операм?

— Да.

Миша посмотрел на него поверх бутылки.

— Чему научили-то?

Андрей подумал.

— Что бита — плохой аргумент.

— А хороший?

Он усмехнулся.

— Багажник «Мерседеса».

Оба засмеялись, и в эту минуту прошлое наконец стало именно прошлым — не забытым и не оправданным, а просто

тем, что уже не управляло настоящим.

Поздним вечером Миша снова возвращался домой из магазина. В пакете звякали пять бутылок пива, и Катя, увидев их, только улыбнулась.

— Опять пять?

— А что не так?

— Ничего. Просто стабильность.

Миша поставил пакет на стол, снял куртку и подошёл к окну. Внизу жил обычный северный Петербург: автобусы тяжело подходили к остановкам, машины ползли по Просвещения, в кухнях загорались окна, и тысячи людей торопились домой каждый к своей маленькой жизни, которая казалась им единственно важной.

Наверное, так и должно быть.

Большие неприятности редко предупреждают о себе заранее, а проходят обычно тише, чем начинаются. После них не меняется город, не останавливается движение, не становится мудрее человечество. Просто однажды человек снова покупает пиво, возвращается домой, садится за знакомый стол и понимает, что обычный вечер — совсем не такая мелочь, как казалось раньше.

Катя поставила перед ним тарелку.

— Открывай уже свою стабильность.

Миша усмехнулся, достал бутылку и щёлкнул крышкой.

За окном темнело.

Жизнь, как выяснилось, вообще редко бывает идеальной.

Но если вечером есть куда вернуться, есть кто-то, кто тебе откроет дверь, есть с кем посидеть за одним столом, значит, многое всё-таки сложилось правильно.

Пять бутылок для этого, конечно, были совершенно необязательны.

Но Миша предпочитал не экспериментировать.

КОНЕЦ

ВЕСЕННЕЕ ОБОСТРЕНИЕ АБСУРДА

О полёте с седьмого этажа и диване, который оказался важнее показаний

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ВЕСНА, КОТОРАЯ НИЧЕГО НЕ ОБЕЩАЛА

Весна на севере Петербурга никогда не наступала сразу. В центре она ещё могла позволить себе романтику: блеснуть Невой, подсветить шпили, вывести на набережные людей, которые верили прогнозу погоды и потому одевались слишком легко. За Светлановской площадью всё происходило честнее. Здесь весна сначала вымывала из-под снега прошлогодние окурки, потом превращала дворы в архипелаг серых луж, несколько дней пугала жильцов солнцем, а к вечеру непременно присылала ветер с таким выражением, будто лично отвечала за дисциплину населения.

С девяти утра Лёха Тимофеев — Тихий — заступил на суточное дежурство. Первый час прошёл в той редкой форме служебного спокойствия, которая опытного опера не успокаивает, а настораживает. Лёха разобрал бумаги, заварил чай,

посмотрел в окно на начинавшийся день и даже позволил себе опасную мысль, что преступность в Выборгском районе сегодня решила не спешить. Опыт подсказывал: такие мысли лучше не развивать. Район никогда не становился спокойнее — он просто иногда некоторое время собирался с силами.

Ровно в десять утра телефон всё-таки зазвонил. Тихий снял трубку и, пока слушал, машинально потянул к себе блокнот.

— Руднева, тринадцать. Девушка с седьмого этажа через окно, — сообщил дежурный. — «Скорая» уже там.

— Живая?

На том конце выдержали короткую паузу, после чего ответили, что пока да. Лёха невольно посмотрел на часы.

— А потом?

— Тимофеев, я тебе что, патологоанатом с прогнозом погоды? Езжай уже.

Так утро, ещё минуту назад обещавшее обычное дежурство, наконец определилось с направлением.

Старый УАЗик тронулся со двора отдела, отзываясь на каждую яму всей рамой. Машину давно следовало списать, однако в милиции существовала своя философия технического состояния: если предмет ещё выполнял функцию, которую когда-то задумал завод, он считался исправным. Если не выполнял — его пытались заставить. В крайнем случае функция менялась. Именно поэтому в отделе годами жили стулья без спинок, шкаф без одной дверцы и электрический

чайник, который кипятил воду только при определённом положении шнура и хорошем отношении к нему.

По дороге Тихий думал о заявке. Падение с высоты обычно имело несколько скучных причин: алкоголь, семейная сцена, несчастный случай, попытка самоубийства. Оперская работа начиналась там, где слово «обычно» вдруг переставало объяснять происходящее.

Во дворе уже стояла «скорая», а две бабушки на лавке, судя по выражению лиц, закончили предварительное следствие и теперь расходились только в вопросе наказания. Козырёк подъезда был помят свежим ударом. Восемнадцатилетняя Ирина Проворова лежала на носилках, бледная, растрёпанная и удивительно живая для человека, только что проверившего на себе законы Ньютона. Тихий присел рядом и представился.

— Ирина, расскажешь, как получилось?

Девушка посмотрела на него снизу вверх с тем усталым раздражением, которое обычно появляется у человека после десятого одинакового вопроса.

— Я не падала.

— Хорошо. А что делала?

— Летела.

Лёха поднял глаза на седьмой этаж, словно проверяя маршрут.

— Куда?

— Вниз.

Ответ был настолько точным, что дальнейшие уточнения направления потеряли смысл.

Такой ответ Тихому понравился меньше, чем мог бы. Юмор у потерпевшей после седьмого этажа вообще следовало считать хорошим медицинским признаком, но профессионально он настораживал: человек, который уже способен шутить, способен и выбирать, о чём промолчать.

Разговаривали они недолго. Ирина признала выпивку, ссору, Костыгина и Свету, которую в компании звали Пиявкой. Когда Тихий спросил, кто помог ей начать полёт, ответ пришёл слишком быстро.

— Никто. Сама.

Лёха не стал изображать удивление.

— То есть сама подошла к окну, сама перелезла и сама решила проверить, что внизу?

— Получается.

— Удобная версия. Никого не обижает.

Врач попросил не мучить пострадавшую, и Тихий согласился. Мучить пострадавших действительно было лишним — у большинства имелись родственники, способные справиться без помощи милиции.

Когда носилки понесли к машине, Тихий поднял глаза. На седьмом этаже едва заметно дёрнулась занавеска. Оперское чутьё — удобная вещь только задним числом: если догадка подтверждается, её называют опытом; если нет — показалось. В рапортах второе слово не любят.

Квартира встретила его тяжёлым запахом табака, вчерашней еды и жизни, которую слишком долго не проветривали. Костыгин оказался худым, небритым мужчиной лет тридцати с лицом человека, которому весь мир регулярно мешал отдыхать. Света курила у стены и смотрела на Тихого без особого страха. Светлану во дворе почти никто так не называл. Прилипшее когда-то прозвище Пиявка оказалось живучее имени и давно существовало отдельно от паспорта.

Тихий представился и сообщил, что Ирина пока жива. Костыгин на секунду прикрыл глаза — то ли от облегчения, то ли от необходимости срочно перестраивать собственную версию.

— Можно войти? — спросил Лёха.

— Только у нас не убрано, — предупредил Костыгин.

Тихий оглядел бутылки, посуду, одежду на стульях и пепельницу, которой давно требовалась отдельная жилплощадь.

— Это временно или мировоззрение?

Костыгин не обиделся. Возможно, вопрос для него оказался сложнее, чем казался.

В комнате стоял диван. Крепкий, тёмный, вполне приличный. На фоне окружающей мебели он выглядел как человек в хорошем костюме на вокзале после трёх часов ночи: явно оказался здесь не по собственной воле и уже жалел, что не ушёл раньше. Тихий отметил диван мельком. Тогда никто ещё не мог предположить, что именно он переживёт почти

всех участников этой истории в памяти отдела и в итоге получит служебную биографию богаче, чем некоторые сотрудники.

Костыгин рассказывал нехотя и всё время пытался уложить вечер в несколько безопасных слов: выпивали, поссорились, Ирина ушла на кухню, потом произошло что-то вроде «бах».

— Что значит «бах»? — уточнил Тихий.

— Ну… грохнуло. Я вышел — её уже нет.

— Если я в рапорте напишу «потом бах», следователь обязательно попросит продолжение. И, боюсь, уже в моём исполнении.

Света затянулась и сказала, что ничего не видела — смотрела телевизор.

— Что показывали?

Она на секунду замялась.

— Не помню.

Тихий посмотрел на неё внимательнее.

— Значит, смотрела очень увлечённо.

Получалось слишком аккуратно: оба ничего не заметили именно в тот момент, когда восемнадцатилетняя девушка покинула квартиру через окно.

Лёха подошёл к подоконнику. Стул рядом стоял криво, на линолеуме засохло пятно, на раме виднелась свежая царапина. Никакой красивой улики, которую можно было положить в пакет и понести следователю. Только несколько мелочей,

каждая из которых ничего не доказывала, а вместе заставляли не торопиться.

— Собирайтесь, — сказал Тихий, ещё раз посмотрев на окно. — Поедем в отдел. Там спокойно расскажете, как человек оказался снаружи седьмого этажа, пока остальные смотрели телевизор и ничего не заметили.

Костыгин сразу оживился.

— А за что?

Тихий посмотрел на него спокойно.

— Пока ни за что. Вы же сами говорите, что ничего не произошло. Вот и расскажете об этом подробно. Причём желательно одинаково — для удобства восприятия.

Света бросила окурок в банку и усмехнулась.

— А если мы не поедем?

— Тогда разговор станет длиннее, а утро — заметно хуже. Зачем портить всем настроение?

После этого спорить почему-то перестали.

В отделе Тихий коротко доложил о случившемся Лозовому. Топтун несколько раз прошёл от окна к столу. Хороших новостей подобные прогулки обычно не предвещали.

Узнав, что Ирина настаивает на самостоятельном полёте, Лозовой остановился.

— Восемнадцать лет, седьмой этаж, и первым делом прикрывает компанию. Тут либо любовь, либо большая глупость.

Дудочкин появился в дверях с кружкой.

— Юрий Николаевич, одно другому обычно не мешает.

Топтун посмотрел на него без особого одобрения, но спорить не стал. В дверях появился Яровой. Лозовой кивнул в сторону Тихого: — Сергей, посмотри, что у них там за полёты.

Яровой выслушал всех ещё раз и, подумав, определил, кто чем займётся. Дудочкину достался Костыгин, Малышу — Света, Тихому — соседи, Доктору — больница.

— И без самодеятельности, — бросил Яровой уже вслед.

Юра сделал глоток чая.

— А если самодеятельность получится хорошо?

— Тогда назовём оперативной комбинацией. Если плохо — твоей личной инициативой, — ответил Яровой.

В уголовном розыске граница между этими понятиями действительно часто определялась результатом.

Костыгин сел напротив Юры и сразу приготовился к вопросам. Дудочкин, наоборот, никуда не торопился. Он пил чай и рассматривал бумаги, отчего Костыгин постепенно начинал чувствовать себя хуже, чем если бы на него кричали. Молчание вообще недооценено как инструмент. Человек ждёт давления, готовит ответы, внутренне спорит, а ему дают возможность несколько минут посидеть вместе с собственной версией. Многие версии этого не выдерживают.

Юра некоторое время молча пил чай, позволяя Костыгину самому почувствовать неудобство паузы. Тот сначала смотрел на стол, потом на дверь, потом снова на стол. Наконец

Дудочкин будто вспомнил о правилах гостеприимства.

— Чай будете?

— Буду.

Юра заглянул в кружку и поставил её на стол.

— Нету. Я из вежливости. Рассказывайте.

Доктор за соседним столом не поднял головы, но угол рта едва заметно дрогнул. В уголовном розыске умели ценить экономные методы установления контакта.

К вечеру отдел знал немного. Из квартир рядом слышали ругань, но толком никто ничего не видел. Одна женщина была уверена, что кричал мужчина, другая — что женский голос, третья вообще решила, что шум шёл от телевизора. Тихий принёс единственную действительно полезную деталь: мужчина этажом ниже перед грохотом отчётливо услышал женское — «отойди от него».

Яровой нахмурился.

— От кого именно?

— Он не понял. Дальше шум пошёл, потом уже грохнуло.

Яровой постучал пальцами по столу.

— Негусто.

— Что есть.

— Остальных ещё раз прошёл?

— Прошёл. Больше толку нет. Кто что слышал — уже рассказал.

Яровой кивнул.

— Ладно. Тогда не выжимай из них лишнего. А то завтра

начнут вспоминать цвет рубашки человека, которого вообще не видели.

Тихий усмехнулся.

— Поэтому и закончил сегодня.

— Правильно. Иногда лучший допрос — тот, который вовремя прекратили.

Костыгина и Свету пришлось отпустить. Понимание ещё не было доказательством, а милиция, как ни странно, периодически вынуждена помнить разницу. У двери Дудочкин задержал Костыгина.

— Дима, если потом выяснится, что ты врёшь, я расстроюсь.

Костыгин к этому времени уже немного освоился и даже начал путать отсутствие немедленных последствий с улучшением собственного положения.

— И что будет?

Дудочкин посмотрел на него почти доброжелательно.

— Ничего особенного, Дима. Просто если выяснится, что ты сейчас врёшь, следующая наша встреча будет проходить уже в гораздо менее уютной обстановке. И чай там предлагать не будут.

Костыгин усмешку не поддержал.

— Это вы меня пугаете?

— Нет. Пугать — это когда обещают то, чего, скорее всего, не будет. А я просто заранее предупреждаю, чтобы потом не возникало обид.

На улице Костыгин и Света демонстративно пошли в разные стороны. Через сто метров оба остановились, оглянулись и двинулись обратно навстречу друг другу. Тихий наблюдал из окна.

— Большая любовь, — заметил он.

Жуть посмотрел вниз и покачал головой.

— Большая экономия. Одну квартиру можно сдавать.

Доктор оторвался от бумаг.

— Виктор, в тебе погибает романтик.

— Он во мне ещё в школе милиции умер. Похоронили без почестей.

Так закончился первый день истории, которая ещё не знала, что главным её героем окажется мебель.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЛЮДИ, КОТОРЫЕ НЕ ПАДАЮТ САМИ

Утро следующего дня началось почти с того же места, на котором закончился вечер. Тихий снова собирался на Руднева: вчерашняя история не отпускала его именно своей незавершённостью. Вроде бы всё было перед глазами — пьяная компания, ревность, окно, слишком дружное молчание, — а взять руками по-прежнему было нечего. Такие материалы раздражали не объёмом работы, а тем, что всё в них казалось понятным раньше, чем становилось доказуемым.

Дудочкин в тот день дежурил по отделу. Он застал Тихого уже в куртке, с блокнотом в кармане, и поинтересовался, куда того снова понесло. Лёха объяснил, что хочет ещё раз

пройти дом.

— Только не переусердствуй, — заметил Юра. — Ярик вчера правильно сказал: ещё немного — и свидетели начнут помогать нам творчески.

Тихий усмехнулся.

— Поэтому и иду сейчас.

На этом они и разошлись каждый по своему утру. Тихий — обратно к дому с помятым козырьком. Дудочкин — к телефону, который в дежурство обычно молчал ровно до той минуты, когда начинало казаться, что день решил проявить воспитанность.

Около десяти утра телефон снова напомнил, что Выборгский район не признаёт принципа последовательного расследования. На Поэтическом бульваре жильцы несколько дней не видели женщину, из квартиры шёл тяжёлый запах, дверь была закрыта, а сожитель тоже куда-то исчез. Дудочкин выслушал сообщение, уточнил, вызвали ли жилищников и пожарных, и, положив трубку, посмотрел на Малыша.

— Вчера у нас летали, сегодня пахнет, — сказал Денис, застёгивая куртку. — Нормальная весна. У природы почки, у граждан обострение.

— Не преувеличивай роль природы, — ответил Юра. — Граждане прекрасно справляются круглый год. Просто весной им, видимо, хочется творческого разнообразия.

Поэтический находился совсем рядом. В этом была своя неприятная география большого города: человеку кажется,

что тяжёлые истории должны происходить хотя бы на приличном расстоянии друг от друга, чтобы не мешать восприятию, а на деле между козырьком, на который вчера приземлилась Ирина, и квартирой с запахом было несколько минут ходьбы по тем же мокрым улицам. Те же панельные дома, те же магазины, те же остановки. Просто за одним окном кто-то не хотел объяснять, почему выжил, а за другим уже некому было объяснять ничего.

У дома их ждали представитель жилконторы, пожарные и несколько соседок, которые к приезду милиции успели провести собственное следствие. Одна была уверена, что сожитель Светланы Морозовой – Кирилл Беляев её убил. Другая защищала мужчину на том основании, что однажды он бесплатно починил ей розетку. Дудочкин выслушал обе версии и заметил, что электротехническая характеристика личности, безусловно, заслуживает внимания, но для начала неплохо бы попасть внутрь квартиры.

На площадке шутки закончились сами. Запах Юра узнал сразу. Дверь вскрыли при понятых, и за ней оказалась совершенно обычная квартира — туфли в прихожей, чашка в мойке, программа передач на телевизоре, цветок на подоконнике. Смерть особенно неприятна именно среди обычных вещей: когда вокруг кровь и перевёрнутая мебель, сознание хотя бы заранее понимает, куда попало; рядом с тапочками и недопитым чаем она выглядит как чужой человек, который сел на кухне и почему-то не собирается уходить.

На столе лежал белый лист. Крупно, неровно и с таким нажимом, будто автор рассчитывал продавить бумагу до столешницы, было написано: «Я В ЭТОМ НЕ ВИНОВАТЫЙ». Малыш прочитал надпись дважды.

— Серьёзное заявление.

— Особенно убедительное до осмотра комнаты, — ответил Дудочкин.

Стоявший сзади представитель жилконторы осторожно спросил:

— Это он про себя написал?

Юра посмотрел на лист.

— Пока только понятно, что человек очень хотел кого-то убедить. Причём заранее.

Под кроватью обнаружился свёрток из плотного полиэтилена. После этого разговоры стали короче. Юра приказал ничего не трогать и вызвать следственно-оперативную группу, а пока они ждали, Денис обратил внимание на небольшую старую «Бирюсу» в комнате. Большой холодильник стоял на кухне, поэтому второй выглядел здесь примерно как ванна в спальне: теоретически возможно, практически требует объяснений.

— Может, пиво держали, — предположил Малыш, хотя по тону уже было понятно, что сам в эту версию не верит.

— Если там пиво, я после смены покупаю тебе ящик, — сказал Дудочкин и открыл дверцу.

Ящик покупать не пришлось. На полке лежала женская

голова. Оба некоторое время молчали. Не потому, что за годы службы им не приходилось видеть трупы; просто человеческая психика даже после нескольких лет уголовного розыска сохраняет право иногда отказаться считать увиденное нормальной частью рабочего дня. Юра аккуратно прикрыл дверцу. Денис первым отвёл взгляд и тихо сказал, что теперь назначение второго холодильника хотя бы понятно. Дудочкин попросил больше ничего не добавлять, и Малыш без обиды согласился.

Данные Кирилла Беляева уже ушли в отдел для оформления ориентировки, когда на Поэтическом появился подполковник Игорь Полевой — начальник убойного отдела района. За ним поднялся Олег Борисов — опер того же убойного, чей кабинет находился на первом этаже 57-го.

Полевой прошёлся по квартире молча, не задавая вопросов ради самих вопросов. Дудочкин коротко рассказал, что успели узнать: Светлану несколько дней не видели, Беляев исчез, вещи его частично остались, соседи помнили ссору. Полевой выслушал и кивнул Борисову — не начальственным жестом из кино, а так, как люди кивают друг другу после многих лет одной работы.

— Олег, смотри Беляева и окружение Морозовой. Юр, что по дому подняли — кинь ему. Если что понадобится по земле, дёрнем.

Дудочкин кивнул. Никакой торжественной смены хозяина у истории не произошло. Просто Борисов сел за неё плотнее,

а Юра уже мысленно вернулся к тому, что произошло вчера на Руднева.

Борисов уже перелистывал объяснения. Он был из тех оперов, которые не производят впечатления человека, спешащего раскрыть преступление за двадцать минут. Наоборот, Олег умел читать бумагу долго и неприятно внимательно, выискивая не то, что в ней написано, а то, зачем это написали именно так.

— Сожитель когда исчез?

— По инфе от соседей — три дня назад утром видели во дворе, — ответил Дудочкин. — Потом пропал. В квартире записка. Вещи его частично на месте.

Борисов ещё раз посмотрел на лист.

— Сильная позиция защиты.

— Главное, своевременная, — сказал Юра. — Ещё до появления обвинения.

Борисов забрал с собой объяснения и фото записки. Уже на лестнице он обернулся и попросил Дудочкина, если тот ещё будет говорить с соседями, отдельно уточнить, когда последний раз видели Беляева трезвым. Юра пообещал. На этом всё и закончилось — без слов о взаимовыручке, потому что вещи, которые считаются нормальными, обычно не обсуждают.

К обеду ориентировка на Беляева уже ушла по городу. И на этом розыск, вопреки требованиям хорошего детектива, временно закончился. Никто не вычислял его по редкой

марке сигарет, не ставил засаду на вокзале и не преследовал по крышам. Этой же ночью Беляева задержали в Калининском районе за обычную пьянку. Человек, которого искали по убийству, попался потому, что оказался слишком пьян даже по снисходительным меркам конца девяностых.

Рано утром информация пришла Полевому. Он как раз ехал на работу, по дороге заехал в Калининский район, забрал задержанного и сам привёз его в 57-й. Не к земельным операм, а вниз, к Борисову. У каждого преступления должна быть хотя бы одна попытка попасть по правильному адресу.

Беляев выглядел так, будто ночь провёл не в отделе милиции, а внутри собственной головы. Серое лицо, щетина, мятый свитер, запах перегара и тревоги. Полевой завёл его в кабинет Борисова, положил на стол бумаги и коротко бросил: — Принимай. Наш клиент.

— Отлично, — сказал Олег. — А то я уже начал скучать.

Полевой посмотрел на него.

— Не начинай. У тебя вон человек без головы, а ты скучаешь.

— Я не про работу. Я про подозреваемого.

Полевой оставил Борисова с Беляевым и ушёл к себе. В убойном редко бывает роскошь заниматься одной историей: пока здесь начинал говорить Беляев, где-то уже ждали другого опера, звонил новый телефон и копилось очередное дело. Полевой привык держать всё это в голове одновременно.

Борисов не спешил начинать. Беляев сидел напротив, ста-

рательно не глядя на него. На столе лежала фотография записки. Олег подвинул её ближе.

— Твоя работа?

Кирилл посмотрел и отвёл глаза.

— Моя.

— Тогда начнём с самого удобного места. Ты пишешь, что не виноват. Я пока даже спорить не буду. Расскажи, в чём именно.

Беляев несколько секунд молчал, потом сказал, что Светлану не убивал.

— Это уже конкретнее, — заметил Борисов. — Только у нас есть маленькая сложность. Светлана мертва, тело в квартире, голова в холодильнике, ты исчез, а перед уходом оставил сочинение о собственной невиновности. Поэтому давай медленно и без литературных экспериментов.

Сначала Кирилл держался за несколько простых слов: ссора, толкнул, упала, испугался. Потом признал, что после падения Светлана была жива, а ссора на этом не закончилась. Вместо того чтобы вызвать помощь, он снова сорвался и в конце концов убил её. Дальше страх сделал то, что страх иногда делает с людьми, когда рядом нет ни здравого смысла, ни человека, способного вовремя сказать «остановись».

Олег не перебивал без необходимости. В убойном давно знали, что человек, который начал рассказывать, часто сам доводит себя до нужного места, если не мешать ему вопросами каждые десять секунд.

— И после этого ты решил расчленить тело? — спросил он, когда Беляев снова замолчал.

Кирилл закрыл лицо руками.

— Я не знаю, что у меня в голове было.

— Вот это похоже на правду. Но голову всё равно отделял не твой внутренний мир. Ты.

Беляев кивнул.

К разговору позже заходил Полевой, слушал несколько минут, уточнял отдельные детали и снова уходил. Дело уже жило по правилам убойного отдела. Борисов вытаскивал последовательность, проверял время, сопоставлял слова с тем, что нашли в квартире.

Через некоторое время Кирилл сам попросил бумагу.

— Писать что? — спросил он.

— Как было, — ответил Борисов. — Остальное потом переведут на процессуальный язык без твоей помощи.

Чистосердечное признание Беляев писал долго, останавливаясь над отдельными фразами, будто между словами всё ещё существовал вариант жизни, в котором можно было вернуться на несколько суток назад и сделать хотя бы одно нормальное действие. Такого варианта бумага не предлагала.

Когда закончили, Полевой прочитал написанное, положил лист обратно на стол и сказал Борисову продолжать проверку. Чистосердечное признание в убойном отделе никогда не считалось финалом. Оно было всего лишь моментом, когда одна версия переставала прятаться за человеком и начи-

нала существовать отдельно — на бумаге, с датой и подписью.

Пока внизу Борисов вытягивал из Беляева последовательность ночи, наверху жили совсем другие фамилии. Тихий принёс ещё пару мелочей с Руднева, Малыш вернулся от Светиных знакомых, Доктор уже собирался в больницу. Голова в «Бирюсе» не отменяла окно седьмого этажа; окно не делало менее страшным холодильник. Просто в одном здании одновременно помещалось больше человеческого безумия, чем здравому человеку хотелось бы знать.

За двое суток 57-й действительно стал похож на театр абсурда в отдельно взятом отделе милиции. Только билетов здесь не продавали, актёры ролей не выбирали, а реквизит имел неприятную привычку становиться вещественным доказательством. Вчера седьмой этаж, сегодня голова в холодильнике; и всё это в нескольких минутах езды от отдела, среди тех же ларьков, автобусов и дворов, где люди утром выносили мусор, вечером покупали хлеб и совершенно не подозревали, что по соседству жизнь опять превзошла дурную фантазию.

Яровой выслушал Доктора и Тихого и спросил только одно: есть ли хоть что-нибудь, кроме ощущения, что Света толкнула Ирину. Ответ по-прежнему был неприятно коротким — нет. — Тогда не торопитесь, — сказал он. — Если врёт, где-нибудь ошибётся.

История зависла на три недели. Для Ирины эти недели бы-

ли больницей, болью и возвращением к себе. Для отдела — несколькими десятками других дел. Пока Проворова лежала под наблюдением врачей, в 57-м искали угнанную «девятку», брали квартирного вора, разыскивали пропавшего подростка, разбирались с дракой у магазина и несколько дней выслушивали пожилого гражданина, уверенного, что голубь на соседнем балконе следит лично за ним.

Голубь вёл себя подозрительно: прилетал примерно в одно время, долго сидел на одном месте и смотрел в окна.

Доказать его принадлежность к какой-либо преступной группировке не удалось.

В конце концов голубь улетел сам навсегда.

Гражданин расценил это как подтверждение своей версии.

В один из тёплых весенних дней Яровой отправил к Крикунову женщину лет пятидесяти с небольшим. Одетая аккуратно, со странной буклей на голове, собранная и совершенно серьёзная, она смотрела на окружающий мир с той настороженностью, которая бывает у людей, давно понявших нечто важное и теперь вынужденных жить среди тех, кто по-прежнему по своему недомыслию ничего не замечает.

Она зашла в семнадцатый кабинет, села напротив Вовы, положила сумку на колени и сразу предупредила, что дело серьёзное. Соседи, по её словам, давно за ней следили, но недавно перешли к техническим средствам: через щель под дверью стали запускать в квартиру электронных жуч-

ков. Иногда, уточнила она после паузы, тараканов. Крикунов несколько секунд пытался понять, являются ли это два разных подразделения вражеской разведки или одна и та же модель в разных корпусах.

— Электронных? — переспросил он наконец. — То есть они не просто бегают, а ещё что-то передают?

Женщина посмотрела на него с некоторым уважением: наконец-то попался специалист.

— Конечно передают. А зачем бы их иначе ко мне запускали? Я сначала думала обычные, а потом заметила: сидит и смотрит. Нормальный таракан так не смотрит.

Вова серьёзно покивал. Спорить с логикой, которая уже сама себя обеспечивала доказательствами, было бессмысленно. Он только спросил, удалось ли поймать хотя бы один экземпляр. Женщина оживилась, полезла в сумку и торжественно достала спичечный коробок.

— Я несколько собрала. Вот, принесла показать.

Она положила коробок на стол и большим пальцем начала медленно выдвигать внутреннюю часть.

Крикунов отреагировал мгновенно. Стул скрипнул, Вова резко вместе с ним отъехал назад, а потом ещё и встал, увеличив дистанцию между собой и передовыми достижениями соседской электроники примерно до двух метров. Женщина замерла с полуоткрытым коробком и посмотрела на него почти обиженно.

— Вы чего?! Закройте!

Она замерла.

— А что?

Вова смотрел на коробок с неподдельной тревогой.

— Вы же говорите, они электронные. А если сейчас на меня прыгнут, а потом разбегутся? Весь кабинет придется обыскивать. Спецов вызывать. Закройте пока.

Женщина поспешно захлопнула коробок и прижала его к сумке.

— Они не разбегаются. Они специально обученные.

Крик медленно кивнул.

— Вот поэтому я и волнуюсь.

В её взгляде появилось новое чувство — уважение, смешанное с тревогой. Похоже, до встречи с милицией она недооценивала опасность собственной доказательственной базы.

— Вы их боитесь? — спросила она тише.

— Я технику уважаю, — объяснил Вова. — Особенно когда у неё шесть ног и непонятно, где антенна.

К этому моменту Малыш, оказавшийся у двери по совершенно другому поводу, уже смотрел в стену, давясь от смеха. Если бы он повернулся, служебная выдержка могла не пережить происходящего. Доктор прошёл мимо, услышал последние слова и даже не остановился — только сообщил, что при подозрении на электронную начинку тараканов следует кормить отдельно от обычных, чтобы не смешивать доказательства.

Женщина ушла минут через двадцать, унося коробок так

бережно, словно внутри лежала не горстка дохлых насекомых, а агентурная сеть иностранной разведки. Когда дверь закрылась, Крикунов ещё несколько секунд сохранял серьёзное выражение лица, потом посмотрел на Малыша.

— И не ржи. Ярик её ко мне отправил. Значит, счёл, что я по электронике сильнее остальных.

— А чего ты отпрыгнул?

— Техника безопасности. Ты бы потом их по кабинету ловил?

Малыш всё-таки согнулся пополам.

Весна продолжалась. В городе набухали почки, во дворах оттаивал мусор, а в 57-м всё увереннее крепло ощущение, что сезонное обострение — это не медицинский термин, а состояние района.

Так устроена работа уголовного розыска: трагедия для человека одна, а для отдела никогда не бывает единственной. Не из-за равнодушия. Просто за одной дверью уже ждёт следующая.

В девятнадцатом кабинете жизнь шла своим порядком. Дудочкин ругался с телефоном, который периодически терял соединение. Малыш хранил в ящике стола продукты с таким оптимизмом, который медицина обычно не поддерживает. Тихий мог час сидеть у окна и казаться бездельником ровно до той минуты, пока не сообщал адрес человека, которого два дня никто не мог найти. Доктор читал всё подряд — от ориентировок до старых газет — и обладал раздражаю-

щей привычкой помнить прочитанное. Крик говорил громче остальных, Жуть комментировал жизнь так, будто давно оформил на неё отказной материал. Вместе они выглядели слишком разными для коллектива, но уголовный розыск вообще плохо собирается по принципу психологической совместимости. Там совместимость проверяется ночью, на адресе, когда нужно войти первым или остаться последним.

Поэтому история Ирины Проворовой не исчезла. Она просто лежала где-то между делами, разговорами и чайником, ожидая момента, когда жизнь сама принесёт недостающую часть.

Принесла она её в виде дивана.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. КОМПЕНСАЦИЯ

Дом после больницы встретил Ирину без всякого торжества.

Мать была пьяна ровно настолько, чтобы уверенно держаться на ногах и ещё увереннее считать себя трезвой. На появление дочери с сумкой она отреагировала без излишней сентиментальности: поинтересовалась, кто теперь будет ходить за продуктами, и только после напоминания о трёх неделях больницы признала, что обстоятельства, возможно, действительно были уважительными.

— От тебя одни расходы, — подвела она итог. — Ещё и летаешь неизвестно где.

Семейное тепло в некоторых квартирах распределяется неравномерно и до дальних комнат доходит уже остывшим.

За три недели дома ничего не изменилось. Те же обои. Та же узкая кровать. Стул, на котором одежда давно победила первоначальное назначение мебели. И окно. Вот окно изменилось — точнее, осталось прежним, но Ирина теперь смотрела на него иначе. Некоторые предметы приобретают биографию внезапно: до определённого дня это просто окно, а потом — место, откуда однажды увидел двор с неожиданной высоты и по счастливой случайности остался жив.

В больнице память возвращалась не сразу. Сначала кусками: кухня, смех, Костыгин, Пиявка в дверях. Потом ревность, крик, резкий толчок, подоконник. И уже потом — пустота.

Милиции Ирина сказала не всю правду.

В одном, впрочем, почти не соврала: из окна действительно ушла сама.

Просто старт ей обеспечили.

Обида за три недели никуда не делась. В больнице ей ещё мешали боль, врачи, уколы, перевязки и необходимость заново учиться не бояться собственного тела. Дома всё это отступило, и обида наконец получила свободное время.

А свободное время у обиды — вещь опасная.

Сначала Ирина просто думала о Пиявке.

Потом мысленно с ней ругалась.

Потом представляла, что скажет при встрече.

А однажды пришла к выводу, что слова вообще переоценены и справедливость должна иметь какую-нибудь более

материальную форму.

Форма нашлась неожиданно.

Диван.

Коричневый, широкий, крепкий. Тот самый, что стоял у Светы в комнате и который Тихий когда-то отметил лишь потому, что на фоне остальной обстановки он выглядел подозрительно прилично.

Ирина решила, что это будет справедливо.

Почему именно диван, она не смогла бы объяснить ни юристу, ни психологу, ни, вероятно, самой себе.

Но человеческое чувство справедливости вообще редко проходит государственную экспертизу.

Гале она позвонила вечером.

Та сначала обрадовалась, потом спросила про здоровье, потом рассказала какую-то историю про общего знакомого и только после этого поняла, что Ирина звонит не просто поговорить.

— Завтра со мной сходишь.

— Куда?

— К Пиявке.

Галя сразу насторожилась.

Ирина объяснила: надо забрать компенсацию.

Сначала подруга подумала о деньгах. Но денег у Светы не было даже в лучшие периоды её финансовой истории.

Тогда прозвучало слово «диван».

После этого в трубке наступила пауза.

Дружба вообще способна выдержать очень многое. Но иногда даже настоящей дружбе требуется несколько секунд, чтобы перестроить картину мира.

Галя осторожно уточнила, действительно ли врачи выписали Ирину по собственному решению.

Проворова обиделась.

План казался ей вполне разумным: Света чуть не убила её, три недели жизни ушли на больницу, а значит, ущерб должен иметь какую-то форму. Денег нет — есть диван.

Возможно, именно так в древности и зарождалось натуральное хозяйство.

На следующий день Галя увидела в руке подруги большой кухонный нож и поняла, что экономическая теория начинает приобретать уголовно-правовые оттенки.

Ирина объяснила, что никого резать не собирается.

Нож нужен только для убедительности.

Это объяснение не успокоило.

Восемнадцать лет — вообще удивительный возраст. Человек уже отвечает перед законом как взрослый, но иногда ещё искренне считает, что выражение «я никого резать не буду» полностью снимает вопрос о том, зачем он вообще взял нож.

Галя всё-таки пошла.

За помощь ей была обещана бутылка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.